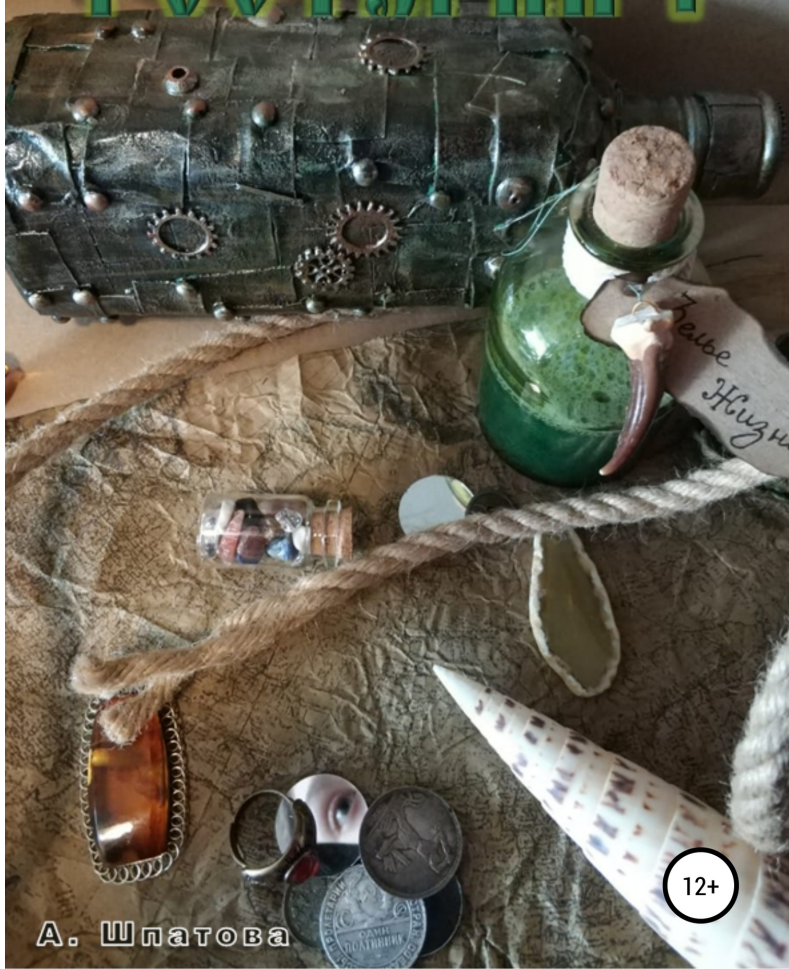

РОСТЕРНЯ 1

А. Шпатова

12+

Александра Михайловна Шпатова

Ростерия 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51848721

SelfPub; 2020

Аннотация

К шестнадцати годам Лиза нажила себе кучу проблем: лучшие друзья исчезли так же внезапно и таинственно, как появились в её жизни; в школе наплыв новых, вроде незнакомых учеников. Но откуда тогда удушающая мания преследования и ощущение, что именно она в центре всеобщего внимания? Как получилось, что её поместье ограбили, а она в списке главных подозреваемых? Почему посреди королевской ярмарки проповедуют ересь? Как во всём замешана родная сестра? Вопросов всё больше, и каждый новый ответ абсурднее предыдущего. Тем временем Рита прилежно учится в современной России и не верит, что что-то способно нарушить её размеренную жизнь.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

109

*Гром – это не страшно,
это уже после молнии.
Если слышишь, как гремит,
значит, молния ударила мимо.*

Владислав Крапивин
"Журавленок и молнии"

Недосып: предпосылки и последствия

– Мама говорит, ты совсем как летучая мышка: ночью занимаешься не-пойми-чем, а потом спишь до полудня, – весёлый девичий голос стал для Лизы привычным, как шелест ветра, так что она даже не дёрнулась, а только сильнее зажмурилась и вытянулась, подставляя редкому ростерийскому солнышку всю себя.

– Эй! – её потрепали по плечу. – Я кое-что принесла.

Девушка лениво приоткрыла глаза – Сашка стояла над ней в полный рост и демонстративно покачивала перед её лицом огромной булкой. Увидев заинтересованность старшей сестры, та с ехидным видом медленно подняла горячую выпечку ко рту. Лизавета быстро выхватила законный завтрак из Сашиных рук и откусила ни много ни мало половину, после чего несильно боднула белокурой головой девочку в полный живот. В знак благодарности.

– Знала бы ты, как сложно было раздобыть, – пожаловалась Саня, опускаясь рядом. – Зинаида Павловна очень не

любит, когда ты перебиваешься хлебом и сладостями.

– А как иначе, если вы не соизволили меня подождать? – притворно вдохнула Лиза.

– Мы тоже были голодными! – возмутилась Саша, вдруг наклонилась к уху и зашептала. – Кроме того, родители решили тебя перевоспитать, так сказать, приучить к дневному образу жизни...

– Я бы с радостью, но у меня нет выбора – деловые встречи назначают исключительно на полночь, – правдоподобно пригорюнилась девушка.

– Неужели Димка всё ещё приходит?

– А как же? Пунктуальный, инфекция такая, хоть часы по нему сверяй.

– И что же ему было нужно? – полюбопытствовала девочка. Старшая сестра поколебалась, но всё же поведала о своём ночном приключении.

Лиза сидела в Зальной комнате около расстроенного пианино, подперев щеку кулаком, и делала абсолютное ничего. Уже второй час она судорожно придумывала, чем бы ей занять себя в скучный вечер понедельника, или утро вторника. Девочка тоскливо провела пальчиком по отвратительно чистой крышке музыкального инструмента. «Я бы сейчас могла даже взяться за уборку! Хотя это уже слишком».

Вдруг острый слух уловил слабое дребезжание. Она заворчала, не понимая, что отвлекает её от мыслительного процесса. Что способно издавать такой звук? Придя к

единственно верному логическому заключению, Лиза подошла к окну, щёлкнула ручками, дёрнула на себя ставни и... лихой молодецкий свист чуть не оглушил её. Ошалевшая, она, чуть помедлив, высунулась наружу, и в следующий миг её губы раздражённо скривились. Набрал в грудь воздуха, она прошипела: «Если ты разбудишь моих родителей, мне тебя не жаль!» После тирады, девочка уселась обратно, расслабленной позой показывая, что ей абсолютно нет дела до мальчишки снаружи. «Я же чётко сказала, что больше не хочу иметь с ним ничего общего!» Сердито засопев и проклиная себя за слабохарактерность, девочка тихонько покинула залу. Медленно ступая, перенося вес с носка на пятку, чтобы не потревожить домашних, она спустилась с лестницы, приоткрыла тяжёлую дверь и юркнула на улицу. Как при погружении в холодную воду, только в сплошную пред-рассветную темень, Лиза поёжилась, с трудом нащупав холодный камень кладки и ориентируясь на него, обошла особняк по кругу. Добралась до места, где минуту назад заметила Диму. Разумеется, там никого уже и в помине нет Пусто. Девушка немного занервничала. Он совершенно точно был здесь! Может, ушёл, устав ждать? Или сам её ищет? Мир вокруг стал приобретать очертания, но только глаза успели переключиться на ночное видение, как зрение снова пропало. Внутренности ухнули куда-то вниз, как будто под ногами образовалась пустота или болото. Вмиг охрипшая и онемевшая Лиза прислушалась к своим ощущениям: на лице

явственно ощущались чьи-то руки. Сзади послышался смешок.

– Моряков! – зарычала девочка. Хихиканье повторилось, и она уверилась в своей догадке.

– Правда, надоел уже! Я же просила! Ничего нового на ум не приходит? – Елизавета раздражённо вывернулась из его ладоней, уже успевших вспотеть.

– А зачем что-то новое, если ты пугаешься каждый раз, как первый? – потешался мальчишка. Блондинка резким движением оправила платье.

– Ты хоть когда-нибудь спишь? – буркнула она без вопросительной интонации. Ответное пожимание плечами. – Зачем звал то? Есть что-то новенькое? Ребята слёзно умоляют вернуться?

– Подожди ты, – рассмеялся Дмитрий, – подожди. Какая быстрая. Сначала надо серьёзно поговорить.

Девочка уныло глянула на первые лучи раннего солнца, прощаясь с возможностью хорошенько выспаться. Потом посмотрела на Митю. Слабый свет сразу же отразился в его золотисто-рыжих прядях, поблёскивая. Несмотря на то, что Митя был ровесником блондинки, на его младенчески гладком лице и не думал проклёвываться не то что пучок бороды, но и первый прыщ. Мальчик придал своим приторным карим глазам такое лисье выражение. Надо же, и Заболоцкая повелась год назад!

– Ты хотел пообщаться, – Лиза из осторожности при-

близилась почти вплотную к стенам дома, чтобы случайный взгляд не мог выхватить их фигуры, – Начинай.

– Говорю же, быстрая, – чуть ли не промурлыкал Дима, – дай мне настроиться.

Девушка насторожилась – ей очень не понравился тон собеседника. Как он вообще смеет так с ней разговаривать, особенно теперь? Этот шпион недоделанный хоть каплю раскаивается? Наверняка нет. А охранники у ворот, их следует уволить, если проворонили такое? Но как объяснить родителям, в чём провинилась стража, если они понятия о Диме и его ночных визитах не имеют? Юноша всё лопотал, но Лизино сознание унеслось уже далеко – такие мысли ей всегда давались со скрипом. Она уже несколько лет билась над загадкой Морякова, но безрезультатно. И сейчас, когда Дима, одетый с иголки, без пылинки, стоял перед ней, она недоумевала: как этот поганец пробирается к ней на участок?! Ни малейших следов проникновения девушка за все годы не обнаружила: ни подозрительного шума, ни изломанных веток, ни изувеченного забора. Как ему удаётся проникать в её особняк незамеченным? Поземный лаз? Велика честь, копать полкилометра для тайных свиданий. А потом лезть по туннелю в новеньком костюме. Сговор с охранниками? Вообще бред, отец им столько платит, что перекупить просто невозможно. И сколько бы Заболоцкая не пыталась юношу и его друзей, они не раскрывали тайну. Смирившись с тем, что вопрос «Как?» пока останется без

ответа, Лиза стала размышлять, **зачем**. Почему не назначать встречи в лесу или на дороге за ним? Не для того же, чтобы впечатлить её? А если он вор? Голова скоро лопнет... Раньше девочка редко думала в таком ключе. Но после ссоры она решила оборвать все связи с нахалом и выпроводить из своего дома.

– Подожди-ка, – прервала рассказ Саша под недовольным взглядом сестры. – То есть, не ты открываешь ему ворота?

– Конечно, нет, за кого ты меня принимаешь? Делать мне больше нечего, – фыркнула та. – Моряков всё не отстаёт.

– Извращенец! – захихикала Саша. – Какие-то странные у него способы привлечь внимание.

– Ты и дальше будешь перебивать? – насупилась девушка.

– Почему ты больше не приходишь на ту Дорогу? – парень завершил монолог из раза в раз повторяющейся фразой. – Серьёзно обиделась?

– А ты надеялся, что такую дрянь с твоей стороны я проигнорирую?

– Я не специально, – защищался мальчик.

– Ты слышишь, как абсурдно звучит? Ты **случайно** следил за нами несколько месяцев? Я бы поняла, если бы ты подглядывал за мной, когда я сплю или переодеваюсь; ты бы, конечно, получил, но с кем не бывает? Но чтобы наблюдать за моими родителями... Что интересного ты там нашёл? Лечиться нужно.

Лиза не без удовольствия воскресила в памяти, как, за-

стукав парня за неприемлемым занятием, дала волю гневу, раскрепостилась... Отпечаток её ладони ещё долго красовался на щеке Морякова.

– Саша реагировала не так бурно, – насупился юноша.

– Так уважай её выдержку. И считай, что я высказываю за двоих.

– Об этом я и хотел поговорить – я готов извиниться снова, правда. Ты же не поставишь под угрозу нашу общую дружбу из-за недоразумения?

Было в его голосе кое-что такое... редкое. И неприятное. Но знакомое. Словно Моряков всеми силами вытягивал из Лизы слова. Фальшь – именно она и не нравилась девушке больше всего. Хотя были ещё карие глаза с поволокой и длинными рыжими ресницами, какие-то не такие... В общем, очень странные отношения: блондинка раз за разом по доброй воле виделась с ним, каждый раз убеждаясь, что ей он противен, и доводя его до белого каления. Хотя частенько всё работало в другую сторону. Лиза закатила глаза так, что стало видно лишь белки. И выругалась про себя. Ей часто советовали, прежде чем заводиться, сосчитать до пяти, лучшие десяти. Но только это полная протестантская ересь, за которую следовало сжигать в лучших традициях средневековья. Однако девушка всё же взяла себя в руки.

– Ты заучиваешь реплики, прежде чем прийти ко мне, или честно просишь прощения? Отчего-то я тебе не верю. И иду спать.

– Почему, спать? – Митя весь выцвел.

– Потому что мои родители ранние пташки. Но если настаиваешь, поговорим ещё...

– Не настаиваю, – быстро замотал головой рыжий, – действительно, уже очень поздно... рано, и мне пора домой... кстати, ты не против, если я познакомлю тебя с другими моими товарищами? Они могут понравиться тебе больше... – со столь загадочными словами мальчишка быстро ретировался.

– В общем, Димка то ли дурак, то ли задумал что, – подытожила рассказчица.

– Так-то оно так, – согласилась Сашка. – Но что тебе мешает игнорировать его? Не то ли, что он из кожи вон лезет ради твоего прощения?

– Исключительно то, что мне интересно, как он обходит охранников и забор, – безапелляционно заявила Лиза.

– Так спроси у ребят, – завела прежнюю песню Саня. – Мы же раньше постоянно собирались вместе, ты первая откололась.

– Ты снова? Смирись, они всегда были больше твоими друзьями, чем моими, уж больно пафосные. И да, какой бы Димка паршивой овцой в их компании не был, они его не сдадут. Так что мне больше нечего с ними делать.

– А разве всё началось не с того, что вы с Моряковым расстались? – догадывалась о настоящей причине размолвки Сашка.

– Ты маленькая, не понимаешь, – универсальная фраза, которой Елизавета частенько заканчивала разговор.

Некоторое время сёстры сидели молча, наблюдая за медленно поднимающимся солнцем; за завораживающим, простирающимся вдаль пейзажем; на самом деле с веранды виден лишь их необъятный участок, Большую дорогу за забором и кусочек темнохвойного леса. Но где-то там, за ним, есть малиновое поле с вечно розоватой травой, а потом цветочная лужайка, а потом Неизвестная река... Сами девочки уже спрятались в тень высокого тощего особняка с балконами и хлипкими декоративными колоннами. В километре отсюда в таком же худощавом доме с лепниной и барельефами обосновались их ближайшие соседи. К земле у жителей Ростерии всегда было трепетное отношение – они боялись примять лишнюю травинку. Лиза на секунду приподнялась и раздражённо фыркнула – совсем скоро небо вновь заволочёт облаками. И причиной всему огромная, угрожающе колыхающаяся туча болезненно-фиолетового цвета, зависшая над далёким горным хребтом. Наверняка гостя из Зауралья. Девушка как будто почуяла вонь фабричных отходов и заводского дыма, а такой гадости в их стране нет.

– Да, – словно прочитав мысли блондинки, произнесла Сашка. – Все беды к нам, в том числе и дожди, идут из России.

– Опять материны слова, – не оценила Лиза.

– Интересно, как там умудряются жить люди? – задума-

лась девочка. – При такой степень загрязнения и дышать невозможно.

– Не увидим, не узнаем.

– Неужели ты собираешься... – ахнула Санька.

– А почему бы и нет? – хвастливо спросила Елизавета. –

Считаешь, струшу? При должной подготовке и оборудовании я бы даже попробовала перелезть сама – Уральские горы совсем не такие высокие, какими видятся.

– Но ведь нельзя! Запрещено пересекать хребет.

– Кому нельзя, а тому, у кого есть связи, просто не рекомендуется, – разошлась Лизавета.

Она вскочила на ноги и раскинула руки в стороны, показывая себя всему миру: миниатюрную девушку альбиноса пятнадцати лет. Дерзким, вызывающим взглядом Лиза похозяйски обвела просторы, которые готовилась покорять и завоёвывать. На лице младшей сестры отчётливо читалась смесь восхищения и обожания.

– Ты этого не сделаешь, – всё же засомневалась Александра.

– Мне придётся, – трагично начала она, но хохотнула, не сдержавшись. – Потому что я проспорила однокласснику. Наверное, моё обещание уже разлетелось по всей школе. Не стану же я всех разочаровывать?

– Ого, – только и выдохнула младшая Заболоцкая.

– Я бы на твоём месте не доверяла так безоглядно всем её хвастливым обещаниям. Например, в прошлом году она

убеждала нас, что аттестат принесёт без троек, – резные ставни, а вслед и витражные окна на втором этаже распахнулись, и оттуда высунулась мама, Олеся Витальевна. Лизавета со злым выражением лица повернулась на голос, а Сашка постаралась не шевелиться и одновременно уменьшиться, предчувствуя ссору.

– А ты, Лизавета, не мели чепуху! Горные вершины она собралась покорять, со связями! Хорошо хоть, не слышал никто, – теперь стал понятен сердитой тон матери – она слышала амбициозные планы старшей дочери.

– Иногда она меня просто выводит из себя, – тихо прошипела Лиза, когда Олеся скрылась из виду, и с силой пнула изогнутые перилла. Незаслуженно досталось стене, опустившейся к веранде яблоневого ветке и наличникам. – Просто до бешенства! Неужели нужно так себя со мной вести? Она знает, что такое человеческое обращение?!

– Не кипятись, – Саня хотя и побаивалась сестру в таком состоянии, но успокаивающе погладила её по спине, надеясь, что та не сделает чего похлеще в порыве ярости. Девушка заклекотала, но скоро замерла, позволив себя утешать. – Она просто испугалась, ты говорила весьма... убедительно. Она беспокоится.

– Да, так я и поверила. Ей как будто нравится меня обижать, – отрезала девушка. На улице стремительно стемнело, похолодало, подул освежающий ветер – прогнозы девочек оправдались.

– Скоро дождь...

– Да. А значит, я иду спать, – в доказательство блондинка зевнула. – И пусть мать не надеется, что я приду к обеду.

Сашка только плечами пожала – ничего необычного.

Лизавета чувствовала себя разбитой – конечно, бодрствовать третью ночь. Девушка потянулась, прошла по полупустой, не очень-то обжитой комнате, делая махи руками, но вялость не прошла. В то же время, сна ни в одном глазу – результат дневного отдыха. Спустя полчаса мучений она всерьёз разозлилась; с какой стати она должна вставать в тёмное время суток ради кого бы то ни было, особенно ради ребят? Лиза рухнула на кровать и начала методично жевать припряданный пирог с ужина. Кухарка Зинаида Павловна кипятилась, но перечить не смела. В окно что-то стукнуло. Камешек, пущенный ловкой рукой. Девушка вытянула шею, не особо удивлённая или застигнутая врасплох. Разумеется, даже ночью отлично видна золотая вихрастая макушка хулигана. Он поднял с земли ещё один снаряд, но, заметив блондинку, энергично помахал ей и спрятался в тени деревьев. «Не успела», – взгрустнулось Лизавете, хотевшей плюнуть на темя Морякова. Хотя, если девочка не поторопится, о госте узнают мама с папой, а мальчишка без скандала не уйдёт. Средняя Заболоцкая набросила на плечи тонкое пальто, обвязав вокруг шеи рукавами, и соскользнула на первый этаж, успешно миновав родительскую спальню. Девушка осторож-

но прошла по коридору...

– А ты что здесь делаешь?

Лиза подавила визг и крутанулась на пятках. На неё смотрела бледная Сашка, придерживая живот, словно тот грозил отвалиться.

– А ты? – вернула старшая сестра. – Опять болит?

– В июле всегда. А ты увиливаешь. Опять Димка пришёл?

– Да... – девушке на понравилось, что её так легко разгадали. – Совсем обнаглел.

– Вот артист. По-моему, он всё ещё к тебе неровно дышит, – захихикала Сашка. – Хотя ты права, заявляться каждую ночь... Ты имеешь право не пойти.

– Но ты же велела мне с ним помириться, – свела Елизавета к тому, что причиной всему Санька.

– Хорошо-хорошо, – сдалась девочка. – Я уже привыкла, что каждое моё слово впоследствии используется против меня. Так он здесь? – получив утвердительный кивок, она покачала головой. – Я не перестаю поражаться их изобретательности. И вообще, нечестно! Почему меня на встречи гонят в какую-то глушь, а тебе всё на блюдечке? Я тоже так хочу!

– Иди спать лучше, – хмыкнула блондинка. – И, если родители спросят, скажи, что я по зову природы.

– Как всегда.

Саня направилась к лестнице, Лиза к окну напротив, потому что оттуда был самый короткий путь до сада, где прятался Дима. Она открыла, слава Источникам, не скрипящие

ставни и выбралась из дома. Сразу возникло желание, закутаться в пальто посильнее. Девушка отошла от особняка, повертела головой – никого. Что за детские игры? Постояв немного на месте, поискав меж деревьями и убедившись, что абсолютно одна, она с досады топнула ногой.

– Моряков! Выходи сейчас же!

Стоило ей рывкнуть, как предположительно из зарослей (на самом деле Лизавета не определила, откуда) появился Митя. Слабое зрение и темнота не играли на руку, но девушка разглядела очень странную улыбку на лице парня. Но не она удивила блондинку, а длинный шлейф, как будто мантия из дегтево-чёрных силуэтов, ползущих вслед за Моряковым. Девушка, в неосознанном состоянии, отступила – не по душе ей это представление. Ей бы стало не хватать воздуха, не будь она натренирована Димкиными фокусами. Потому сейчас она лишь опешила: на улице и так мгла, и если предметы отбрасывали тени, то совсем блёклые. Но по земле за юношей словно тянулся многослойный, резко выделяющийся на фоне серости вокруг, батист. Кроме того, Димкина тень уже была... Впереди него.

– А что у тебя... – начала девушка, но вдруг охнула.

Из-за многочисленных яблонь выступили... люди. Не меньше десятка, с какими-то размытыми, пластичными лицами. Все в тёмной одежде, каким-то образом не замеченные, они буквально прижимались друг к другу. А потом рассыпались, окружая Лизу и Митю. Тогда распался его тёмный

плащ.

– Очень смешно, – протянула Лиза, а в следующий миг уже противоречила себе. – Вы серьёзно?

Она уже чувствовала спиной холодную кладку камня.

– Что бы вы не хотели сделать, у вас получилось, – продолжила говорить девушка, незаметно сглатывая ком. – Если шутите, то ха-ха, если пугаете, то ведь я закричу...

– Что? – Димка остановился и воззрился на блондинку с удивлением. Та с облегчением отметила, что его таинственность исчезла без следа, а его свита обернулась безобидными подростками, не старше Морякова. С совершенно обычными физиономиями. В ночи все кошки серы, сказала бы Соня.

– Так ты испугалась? – спросил кто-то справа.

– Ой, будь ты на моём месте, визжал бы, как большая девочка, – фыркнула Лиза и удовольствовалась обиженным сопением.

– А ведь правда, – хохотнул Дима.

– Напоминаю, что я закричу, если вы сейчас же не объясните, какого чёрта вытворяете! – сорвалась девушка. Она ненавидела, когда её загоняли в угол. И ненавидела бояться. А ещё Моряков постоянно выводил её из себя. Его извечная пластмассовая улыбочка... Её так хотелось стереть! Оскорбить как-нибудь, выместить злость. Есть здесь что-то маньячное.

– Тихо-тихо-тихо, – зашептал парень, подходя ближе. – Мы не хотели, точнее, всего лишь хотели появиться с эф-

фектом.

– А ты, значит, без эффектов появляешься? – скептически осведомилась девочка. – И решил для накала страстей привести с собой... Кстати, кого?

– Помнишь, я обещал познакомить тебя с друзьями? – он жестом описал окружность вокруг себя. – Собственно, мои друзья... а это Лиза.

Девушка без энтузиазма растянула губы. Она не боялась темноты, но Дима прикладывает все силы, исправить такое упущение. А ещё как-то нехорошо складывалась встреча. Одно дело, когда Дима один, а когда целая толпа... Пора менять стражей у ворот – знали же, что один глуховат, но чтобы настолько... А второй, наверное, слепой.

– Раньше друзей у тебя было меньше, – чем больше она язвила, тем больше успокаивалась. Рыжий стусеивался. – А кто у тебя был первым: я или они? – нагнетала девушка.

А эти самые «они», кстати, уже заскучали стоять в роли немых зрителей и наблюдать за диалогом. Моряков недобро сжал зубы, но промолчал. Заболоцкая стала бессовестно изучать присутствующих. Конечно, большинство ей не знакомы, но все *ребята* в сборе: и Женька, и Витька, и... А где Питер?

– Мы здесь будем до рассвета стоять? – спросил высокий девичий голосок.

– Нет, уже сейчас, – вздохнул, вернув самообладание, Митя, и вновь посмотрел на девушку. Все взоры обратились к

ней. Она незаметно поёжилась (происходящее не лезло уже ни в какие рамки), после чего тонким восковым пальцем указала на ворота.

– Вам лучше уйти, – железно произнесла она, умело копируя интонацию матери. – Всем.

– Да, только я хочу спросить...

Вопроса не последовало. Веки внезапно отяжелели, девочка моргнула, а когда вновь открыла глаза... На участке остались только она и Дима. Девушка рассеянно осмотрелась, борясь с желанием широко зевнуть. Совсем сморило... Ноги налились свинцом и едва держали отяжелевшее тело. Сейчас бы вздремнуть... Мысли замедлились, Лиза с ошоловевшим выражением лица глянула на Морякова.

– Так что ты хотел спросить? – из приличия подбодрила его она.

– Да ничего, – расстроено произнёс он. – Я, наверное, пойду. А ты выпишись хорошенько.

Лизавета кивнула, развернулась и побрела к дому. Верхнюю губу защекотала капля пота, на улице ощутимо посветлело. «Заболтались мы», – лениво подумала девушка и зашла в дом. Близоруко сощурилась, пытаясь найти контрастную стрелку на механических наручных часах. Рано. Родители ещё не проснулись. А если и проснулись, то Лизавете без разницы. Преодолев кое-как лестницу, девушка неожиданно встретила Сашку.

– Я всю ночь тебя ждала, – с укором начала та. – Беспоко-

илась. Я же просила не прижиматься к стенам, вас тогда из окна не видно, – надулась девочка.

– Ага, – она обошла сестру, всё же зевнув, и подойдя к своей комнате. – Меня не будить.

– Подожди, – сориентировалась обескураженная Саня. – И это всё? О чём говорили, зачем приходил?

– Не о чём. Не за чем, – дверь за Лизаветой закрылась. Саша удивлённо замерла, обернулась: родителей поблизости нет, так для чего таиться? Не хочет рассказывать? Наверное, окончательно поругались. С такими грустными думами девочка тоже вернулась к себе, досыпать.

Холодало. Поразительно, как быстро. Лиза издалека наблюдала за Сашей, как обычно сидящей на террасе и поглощающей школьные учебники на следующий год. Помнится, блондинка однажды спросила у сестры, откуда у той нездоровая страсть к получению знаний, переходящая в манию, и девочка призналась, что хочет, чтобы родители могли ею гордиться. Она не имела особых талантов или дарований, и, кажется, мама расстраивалась – очень ей хотелось, чтобы младшая дочь была лучше старшей во всём.

– Опять мечтаешь? – лениво окликнула Сашу сестра мальчишески ломающим голосом, приблизившись. – А родителям сказала, что учиться будешь, – с интонацией ябедничества сказала она. Александра помахала под носом у средней Заболоцкой учебниками. – Да, а в небо что смот-

рела? Интагралы увидела?

– ИнтЕгралы, вообще-то, – поправила Саша, за что получила лёгкий подзатыльник и сразу же дала сдачи. Блондинка довольно заулыбалась, похоже, ей нравилось драться, поэтому она подхватила одну из тетрадей потолще и встала в боевую позицию. Саня решила подыграть, как вдруг донёлся шум из гостиной: «Не мешай сестре учиться!» Лиза обиженно скривилась, глянула на Саню и скрылась в доме, бормоча выражения, не принадлежащие художественной лексике. Подобное развитие событий отнюдь не ново, но Елизавета сомневалась, что с её-то вспыльчивым характером когда-нибудь привыкнет. Поэтому получите, дорогие родственники, пустующий стул на сегодняшнем обеде и нетронутую остывающую порцию. А если не раскаетесь, то и на ужине. А кухарка Зинаида обязательно покормит её (не без ворчания, конечно) отдельно, так что голодовка обойдётся без жертв. Девочка, раздражённо топая, отбивая смутно знакомый такт на каменных ступенях, гулко ей вторивших, поднялась в свою комнату и спряталась за дверью, хлопнув ею, но в меру. Холодный воздух, беспрестанно поступающий из открытого окна, остудил хозяйку спальни. Та с недоумением застыла посередине помещения, уперев руки в бока. Возможно, она погорячилась и следовало остаться рядом с Сашей? Последняя ведь не виновата. Хотя в таком случае вся уже истраченная злость выплеснулась бы на неё, так что Лиза поступила правиль-

но. Спускаться или не спускаться? «Сначала оценю обстановку», – решила она, подошла к проёму и выглянула наружу. В первые несколько минут ничего интересного не происходило, в отсутствие сестры Саша отложила энциклопедию и откинулась на парапет, размышляя о чём-то. «Наверное, опять думает, как помирить меня и Олесю», – насмешливо хмыкнула Елизавета. Она потомилась ещё немного, втайне от себя надеясь, что Александра сама пойдёт проведать её, но девочка явно не собиралась исполнять скрытых мечтаний блондинки. Та вздохнула, оттолкнулась было от подоконника с целью вернуться на террасу, когда... Над книгами сестры кто-то завис, создавая густую чёрную тень. Лиза встрепенулась и чуть отклонила вектор взгляда – около Саньки обнаружился совершенно неожиданный гость, непонятно, как пробравшийся в особняк, – какой-то рыжий мальчишка, почти ровесник ей. Рядом обнаружались ещё пара ребят: очень сублильный, маленький и, если честно, страшенький мальчик с густыми кудрявыми волосами, важными-важными глазами и огромными оттопыренными ушами, делающими своего хозяина ещё менее пропорциональным, а также темнокожая девочка с двумя светло-русыми косичками, наверное, выгоревшими на солнце, которая была худее блондинки (хотя, как такое возможно?), почти прозрачная. Заболоцкая средняя попала в трудную ситуацию: проблемы со зрением вынуждали склониться как можно ниже, а нежелание стать замеченной, наоборот,

спрятаться и прикрыть ставни. Выбрала девочка нечто среднее: притворила правую створку, откуда изредка высывалась, изучая странных визитёров. Все трое выглядели немного взволнованными, если не напуганными. Саня, кажется... Приветливо улыбнулась?!

– Здравствуйте! – в конце концов, они были чуть постарше – скорее всего, именно подобным рассуждением руководствовалась Сашка. – Вы Лизины друзья?

– Да, – мальчик повыше облизнул губы и немного осмелел, – хотя, как сказать, друзья... наверное, просто хорошие знакомые, – Елизавета задохнулась от негодования: лгун! Она его знать не знает! Но вовремя прикусила язык. Тем временем парень продолжал: – Ты нас, кажется, раньше не видела... Позовёшь сестричку? – осведомился рыжий, совсем освоившись. А блондинка, не дожидаясь ответа, уже выскочила из комнаты и неслась по лестнице вниз, рискуя при неудачном раскладе сломать себе что-нибудь важное. А Сашка действительно уже зашла в прихожую и сразу же натолкнулась на искомого человека. Заболоцкая средняя подлетела к Саньке.

– Где? – и выглянула из-за девочки.

– Кто? – несколько растерялась Санька, но потом сориентировалась. – А, твои друзья, они тебя уже ждут! – Лиза нахмурилась, пожала плечами и направилась напрямиком к выходу. В тот момент, когда она уже схватилась за ручку, кто-то по ту сторону резко толкнул дверь и тем са-

мым поставил хорошенькую шишку на белом лбу. Саня ойкнула и замерла, а Лизавета, потирая лоб, была готова вновь продемонстрировать весьма богатый для её возраста запас нецензурных слов, когда увидела гостей. Тоже замерла на какое-то время, так как теперь имела возможность тщательнее рассмотреть подростков, после чего покровительственно загородила сестру собой. Последняя нахмурилась: – В чём дело?

– Они не мои друзья! – возмущилась та, повернувшись. – Ты кого привела?

– Во-первых, я их не приводила, – защищалась Сашка, – а во-вторых, как не друзья, если охрана их пропустила? Я с ними точно не знакома.

Лиза промолчала – для неё тоже загадка, как такое произошло. Однако враждебности не умалила – лишней предосторожности не существует.

– Отлично! Как раз друзей заведёшь! – искренне обрадовалась Александра.

Сестра не разделяла её счастья, и Саня, ступившая, перехватила учебники поудобнее и скрылась за лестничным пролётом. Визитёры тем временем топтались на пороге, а девочка не спешила их приглашать. Напротив, она вперила тяжёлый взгляд во всех троих. Дети разом ступивались. Лица показались смутно знакомыми. В памяти они размылись – конечно, ведь она часто видела их из окна кибитки!

– А я вас знаю! – объявила Лизавета. Ребята как-то по-

никли.

– Правда?

– Конечно! Вы – те хулиганы, что постоянно бродят по Большой дороге и напрашиваются ко всем в гости. Кстати, где ещё один? – блондинка встала на цыпочки, ища четвёртого приятеля.

– Мы не напрашиваемся в гости, нас приглашают! – задело за живое девочку-мулатку.

– Я видела. Особенно в том доме у опушки, как вас выставили, – хихикнула Елизавета. Вредная девчонка зло запыхтела, но сразу же получила мальчишеским локтем в живот.

– Хватит! – вдруг нервно рявкнул лопухий, до недавнего аморфно стоявший в сторонке. – Мы же знакомиться пришли, а не ссориться! – Ребята притихли, а мальчика протянул маленькую ладонь Лизавете.

– Питер, – с невероятно важным видом произнёс он и в ответ на удивление блондинки пояснил, – Петя я. Но первое звучит лучше.

Уже две недели в доме царил долгожданный нейтралитет. У родителей кончались выходные, так что Олеся с Николаем стали чаще выбираться в город на ярмарки (якобы чтобы больше «отдохнуть» перед работой), а Лиза в основном сидела в комнате или пропадала в лесу. И Александра, не любившая одиночества, бродила целыми днями по Большой дороге, то и дело натываясь на людей. Однако сегодня девоч-

ка уже который час шла через чащу, никуда не сворачивая, пока не наткнулась на другую Большую дорогу, поменьше. Заболоцкая сверилась с наручными часами на заводе (подарок на последний день рождения), и вдруг действительно заметила вдали знакомый силуэт.

– Дима! – замахала руками Саша и бросилась другу навстречу. Последний широко заулыбался и тоже ускорил шаг. Парень на секунду крепко прижал её к себе и сразу выпустил. И без паузы увлёк девочку разговор. После довольно долгой разлуки оба говорили много, быстро и бессмысленно, к тому же большая часть их беседы состояла из шуток и каламбуров, понятных только им, поэтому намерение узнать, что же приключилось между сестрой и ребятами, вылетело из Сашкиной головы. Беседа была столь долгой, что привести здесь сделалось возможным только самые значительные отрывки их диалога:

Мальчик быстро и воровато пробежался взглядом по лесу сзади девочки.

– Проверяешь на наличие слезки? – хихикнула та.

– Честное слово, если ещё раз её увижусь, то за себя не ручаюсь! – чересчур категорично заявил мальчик.

– Именно это ей и нужно, – хмыкнула Александра, – и всё-таки, грех жаловаться – тебе всё сошло с рук. К тому же у вас прогресс...

– Регресс! – разозлился Димка. – Я, конечно, всё понимаю, но вернуть расположение твоей сестры невозможно! И не

смотри на меня так осуждающе! Ты слишком много на себя берёшь! Разве мы не можем дружить просто так? – Если начало его монолога было ещё более или менее шуточным, то к концу рыжий старательно себя накрутил и по-настоящему рассердился.

– Знаю, она трудный человек, – вздохнула Александра. – Но мне так хотелось, чтобы вы помирились... мне гораздо удобнее не делить себя на ваши враждующие лагеря.

– Да, ты прямо как горячие пирожки – нарасхват! – хотнул мальчишка. – Но Лиза твоя, конечно... – и он уже приготовился поносить отсутствующую всеми нехорошими словами.

– Кстати, Лиза! – обрадовалась Заболоцкая. – Ругала тебя недавно. Ой, как ругала! И ругает постоянно, – увидев вытягивающееся от шока и несправедливости лицо Мити, девушка хихикнула. – Говорит, такой навязчивый, не прогонишь.

– Да я же... я же... – задохнулся от возмущения парень, – я же по-доброму! Разве не так ведут себя люди, если хотят остаться друзьями? – он взлохматил волосы.

– Наверное, после того, что случилось между вами неделю назад, вы уже точно не останетесь друзьями. Той ночью ведь что-то случилось? – девочка украдкой посмотрела на Морякова. Он совершенно скис.

– Ничего криминального не произошло, – буркнул он. – Просто в ней переизбыток вредности.

– Что же вы без нас языками чешете? – сильная девичья рука хлопнула по плечу Саньку, а справа показалась кареглазое круглое веснушчатое мальчишеское лицо в обрамлении выгоревших на солнце волос. После неуклюжих объятий и других выражений чувств Заболоцкая выбралась из общей кучи и снова огляделась.

– Что, до последнего прятались в лесу для внезапного появления? – ухмыльнулась Саша.

– Конечно, а как иначе? Кстати, ты, – Женя ловко продолжила подслушанный диалог, – совершенно права. Я бы Димке ещё добавила, из женской солидарности.

– Какие-то у вас странные методы, – покосилась на неё Сашка. – Недейственные. Вы же при ней Диму не осудили ни капли!

– Опять я, – простонал тот.

– И её не пожалели. Поэтому она обиделась и на вас, – она отвлеклась. – А Питер... Подождите-ка... а где Питер?

– Не захотел прийти, – замялись подростки.

– Такими темпами от нашей команды одно название останется, – расстроилась девочка. – Что вы такого ему наговорили?

– Ничего сверхъестественного, – защищался Димка.

– Нас неправильно поняли, – подтвердил Витька.

– Так постарайтесь, чтобы впредь понимали правильно! – поставила точку Санька.

Ребята вдруг обречённо вздохнули, Митя сделал широкий

шаг назад. Девочка поёжилась, буквально почувствовав разрежённость воздуха – её как будто окружал вакуумный кокон, отделяющий и отдаляющий от всех и всего вокруг. В следующий момент боковое зрение уловило приближающееся мельтешение справа, Заболоцкая младшая дёрнулась, но никого не увидела. Единственное что, тени от деревьев словно бы чуть удлинились. «Почудилось?» – рассеянно покачнулась девочка, медленно поворачиваясь к друзьям. Голова взорвалась мигренью. Приятели смотрели с сочувствием. Она плохо выглядит?

– О чём мы?.. – едва орудовала она разбухшим языком.

– О погоде, – задорно пошутила Евгения. Между подростками моментально растаяло напряжение, они зашагали по дороге, общаясь на самые непринуждённые темы.

Стоял знойный, необычайно жаркий для местного климата день. За несколько часов палящие солнечные лучи успели глубоко иссушить землю, из-за чего в почве образовались трещины; листья на деревьях, особенно раскидистых и высоких, поникли и завяли; воздух плавился, словно над костром; пузырилась и вскипала подошва на ботинках нескольких смельчаков, что решили выйти на улицу: одним из таких храбрецов был мальчишка пятнадцати лет, что шёл по Большой дороге в противоположенную от столицы сторону. В подростке не наблюдалось ничего необычного: среднего роста, полный, с конопатым лицом и светло-русыми воло-

сами. Единственное, что в нём казалось подозрительным, — то, что каждую минуту он нервозно оглядывался, то ускорял, то замедлял шаг, то вовсе начинал вилять из стороны в сторону, и в глазах его постоянно читалось сильное волнение, поэтому вывод, что юношу было, в чём подозревать, напрашивался сам собой. На душе у маленького странника явно беспокойно. В общем, конспирации никакой. Ещё триста метров вдоль редких особняков, несколько обманных петель и крюков около одного из участков с огромным садом у ограды (юноша не удержался и сорвал фрукт с ближайшей яблони), и парень с облегчением позволил себе спуститься в лесную чащу. Мальчик привалился спиной к дереву, вытащил из кармана яблоко, обтёр рукавом и яростно откусил почти половину, пытаясь успокоиться. Казалось бы, сколько раз он уже проделывал этот трюк, а никак не привыкнет к внутреннему напряжению, похожему на туго скрученную спираль: как только выходишь из дома, сразу кажется, что все на тебя смотрят, все знают, всем под силу с лёгкостью проникнуть в твою голову или, на худой конец, прочитать мысли, написанные на твоём лбу. Но нет, благодаря то ли безлюдным в такую погоду улицам (а собрания всегда назначались либо в палящую жару, либо в проливной дождь), то ли его собственной выдержке и умению держать себя в руках, не показывая эмоции, с ним ещё никаких казусов не случилось. Порой, например, сейчас, на мальчика напали страх и неуверенность в своих силах: если он уже боится до дрожи и вы-

нужденного заедания стресса, то что же будет потом, когда придёт время? Справится ли он? Достоин ли? Но успокоение тоже приходило быстро и внезапно: если не он, то кто? Ведь не он же сам напросился под крыло ПаПе, нет, учитель его выбрал, как и всех остальных, сильных, смелых, уверенных в своём решении молодых людей. Значит, достоин, значит, он рАвен, и рОвен, и сможет. Подросток глубоко вздохнул и, выпячивая вперёд грудь и выпрямляя осанку, после чего собрался выбросить огрызок – всё, что осталось от яблока, – но передумал и положил во внутренний карман жилета – душного, но полезного. Мальчишка отлип от могучего дуба и пошёл дальше, старательно огибая сухие ветки и прочие потенциальные источники звука. Посмотрел на небо – почти полдень. Мама думала, её сын решил погулять с друзьями (если не углубляться в детали, так оно и есть), и ему можно не возвращаться до обеда. Итак, время ещё есть, но не очень много – слишком долго он лисой петлял, путая следы.

Тяжёлый путь позади, и мальчик на месте. Маленькая, вряд ли площадью больше десятка метров, поляна, ничем не примечательная. Даже земляника не растёт. Юноша торопливо огляделся, вытягивая короткую шею, и пригнулся к земле. Неожиданно с берёзы сорвалась птица, похожая на ястреба, и с криками полетела прочь, как будто специально отвлекая на себя внимание рассказчика. Когда он снова повернулся к полянке, мальчишки и след простыл.

Витя, а это был именно он, медленно продвигался по уз-

кому коридору, проходя и светлые участки под фонарями, и тёмные, где особенно чувствовалась затхлость воздуха и безысходность, которая возникает абсолютно у всех людей вдали от солнечных ласковых лучей. Но только не у Витки. Он намеренно в самых узких и лишённых света промежутках вслушивался в шуршание осыпающегося низкого потолка, изредка стряхивая пыль с волос, и ощущал приятную дрожь по всему телу. Покинуть зону комфорта – не каждому под силу, и мальчик считал себя способным на что-то и особенным, даже избранным, если мог простоять в крошечной тьме, которую остальные старались побыстрее проскочить. Но достаточно геройства, нужно ещё успеть попасть на сбор, послушать новости и вернуться вовремя домой. Мальчишка тихо вздохнул – хотел бы он тоже стать таким полезным, приходить на встречи с новой информацией, как Женька, но пока что ему отведена лишь роль немого слушателя. Ничего, умение внимать и запоминать тоже пригодится, обязательно пригодится, например, в будущем его будут знать как известного летописца. Впереди показался особо яркий источник света, и юноша поспешил в ту сторону, предвкушая чувство значимости и единства со всеми... Неожиданно, прямо у самих дверей на входе в зал, земля ушла у мальчика из-под ног: он завис в воздухе, дёргая коленями и вырываясь из крепкой хватки двух высоких парней стражников, что держали его за локти.

– Кто таков? – донёсся строгий голос из-за топорной мас-

ки, что скрывала лицо.

– Виктор... Готов, – растерялся мальчишка.

– Точно? Как-то неуверенно, – придирчиво сказал второй охранник. – Надо бы к ПаПе отвести, на дознание.

– Ребята, вы что? – по-настоящему испугался юноша, ещё яростнее вырываясь, – неужели меня не узнаете? Это же я, Витька! Артём, Дарий, это же вы, да?

– Не знаем никакого Витьку, – отрезал первый. – Ты шпион, признавайся!

– Нет, я же член клуба! – задохнулся мальчик. – Вы же видели меня на одной из встреч, помните? Вы оба!

– Допустим, но если ты не шпион, то какой пароль? – сурово спросил стражник справа, предположительно Дарий.

– Я... не помню, – пролепетал бедняга, тщетно пытаюсь отыскать в своей голове что-то хотя бы отдалённо похожее на слово-ключ. Парень почти омылся холодным потом, осознавая, что теперь накликал настоящие неприятности. «Голова моя порожняя...» – звенела единственная, отчего-то писклявая мысль. Вдруг маски охранников задрезжали от дружного глупого хохота.

– Шутка? – пробормотал мальчишка, снова крепко стоявший на земле.

– Конечно, ха-ха! Как же легко тебя провести, ха-ха-ха! А расскажешь кому – ябедой будешь, – Артём точно подразумевал нечто большее, и Виктор вынужденно сглотнул обиду.

– А никому и не нужно рассказывать. Все, кто должны, са-

ми увидели, – невозмутимо сказал вышедший из залы полный и на вид добродушный мужчина. Смех моментально притих. – Что же вы не смеётесь? – продолжал он спокойным, поощряющим тоном. – Мы на собрании страшные вещи обсуждаем, даже у самых стойких нервы не выдерживают. Слушаю я эту жуть, голова на две половины раскалывается, и вдруг слышу – веселится кто-то, и решил устроить себе небольшую разрядку: дай, думаю, посмотрю, что же там такого весёлого творится? Тоже развлекусь. Отчего же вы больше не смеётесь? Неужели я плохо выгляжу?

– Нет, – осторожно ответил Дарий, но, увидев всепрощающее выражение в глазах ПаПе, сделал ту же ошибку, которую допускали и многие другие – поверил. – Хотя на самом деле, неважно, – и растянул губы в бессмысленной улыбке, поддерживая шуточный настрой учителя.

– А теперь подумай, как я могу выглядеть хоть относительно хорошо, – лицо мужчины вмиг посуровело, такие мягкие ещё секунду назад глаза блеснули сталью, – если мои подопечные во время серьёзнейших переговоров позволяют себе вольности и глупые шутки? Более того, вы не просто лишаете себя шанса узнать о переменчивой ситуации из первых уст – вы отбираете этот шанс у своего товарища, опоздавшего, что я, кстати, тоже не одобряю, – и бросил строгий взгляд в сторону Витьки, – потому что не люблю неорганизованность, но ему, в отличие от вас, хотя бы стыдно за проступок. Я не представляю, как мы подготовимся с такой хро-

мающей дисциплиной. А если бы, пока вы дурачились, нагрянула настоящая опасность, например, шпион, от которых вы *сами* вызвались нас оберегать? А?

От подобного напора оба великана повесили головы, сцелили руки в замочек, ковыряя почву носком сапога, и едва не шмыгали носом.

– Очень надеюсь, этого больше не повторится, – хмуро закончил ПаПе, – я не даю вторых шансов.

– Мы обещаем, – проревел громила с высоты своего двухметрового роста. – Простите нас.

– Видите, как легко всегда прийти к компромиссу, – мгновенно смягчился тот, – я сделал замечание – вы поняли и, надеюсь, усвоили. Можете остаться караульными, если считаете, что справитесь.

Парни благодарно закивали и, с двойным усердием отдав честь («Это уже лишнее, не рабовладелец же я», – поморщился мужчина), встали по краям ворот, закаменев.

– Виктор, – мальчик подпрыгнул, услышав своё имя и подобострастно глядя на учителя, – пойдём в зал.

Стражники раскрыли двери ещё шире, как будто внутрь готовилась пройти целая толпа. Юноша семенил за мужчиной. Свет вырвался из помещения и ослепил мальчика. Старые, вышедшие из употребления фонари гроздьями винограда висели на трёх бугристых стенах. Вместо четвертой красовалось нагромождение булыжников и разного сора, скреплённое для надёжности неизвестным раствором се-

ро-бурого цвета. Комната не просто огромная – целая пещера горного короля. Хотя убранство не вызывало подобных восторгов – из мебели только десятки абсолютно разных по цвету, размеру, форме, новизне и стилю столов, около каждого из которых столпились подростки и тихонько что-то обсуждали. В самом углу Витя заметил знакомых – самую маленькую, но сплочённую группу. Юры, конечно, снова нет и в помине – какая необязательность! Посередине залы располагалось овальное возвышение, которое использовали, как сцену, и именно туда стягивались гости. Мальчишка захотел обратить на себя внимание куратора.

– Павел Петрович, пожалуйста, простите меня за опоздание, я... – молчание. Глотов попытался снова. – Вам не обязательно было так строго отчитывать тех ребят, они же не со зла... – начал он смиренно.

– Мальчик мой, фальшивая забота о своих обидчиках хуже искренней недоброжелательности.

Парень покраснел и, опозоренный, опустил глаза в пол. Почувствовал, как тёплая широкая рука потрепала его по волосам и радостно встрепенулся.

– Больше так не делай, – предупредил его мужчина, – а теперь иди к товарищам.

Виктор кивнул и подбежал к дальней столешнице, которую недавно утилизировал местный ресторан из-за того, что на лаковом покрытии образовались царапинки. А соседнюю почти новую длинную стойку своровал Дарий из одного

разоряющегося бара («От него не убудет», – оправдался он тогда); в общем, помещение детям пришлось обустроить самим, но никто не жаловался. Наоборот, благодаря этому зала как будто насквозь пропиталась юными обитателями, стала *их* местом.

– Ребята, когда начнётся речь? – подлетел к приятелям мальчик.

– Ты, как всегда опоздал, – со скучающим видом ответила Евгения, лениво отпивая воду из старого гранёного стакана.

– Почему? – не понял Глотов. – Я же пришёл как раз к полудню, может, немного позже... – он осёкся, когда Дима показал ему наручные часы.

– Десять минут второго, – певуче озвучила Женька.

– Нет, не правда! – вытаращил глаза парень. – Я же следил за временем.

– Это я слежу за временем, – хмуро поправила бестолкового друга девушка, – всегда прихожу немного заранее. А ты так и не научился ориентироваться по солнцу и звёздам, сколько раз повторять, летом другие мерки, нежели зимой!

– Я знаю, – сник тот, – значит, обсуждение уже закончилось?

– Конечно.

– Что-то интересное говорили? Ой, то есть, особенно важное?

– Язык у тебя вперёд мыслей бежит, – хихикнул Митя. – Сегодня никаких новостей.

– Плохо, – огорчился опоздавший. Все вокруг покосились на него, как на умственно отсталого.

– Или хорошо? – неуверенно предположил он.

– Разумеется, хорошо! – воскликнула Женя. – Наконец-то за долгие месяцы стабильность! И мы уверены в завтрашнем дне!

Виктор застыл, когда понял слова подруги.

– Неужели назначена дата?!

Ребята переглянулись.

– Да, назначена, – короткий, рубленый ответ, словно обухом по голове.

– Когда? – жадно спросил юноша.

– Шестнадцатое марта триста девятого года. Всё ещё может измениться, сдвинуться, но... – дальше парень не слушал, объятый то ли торжеством, то ли ужасом. Как скоро, уже нынешней весной, всё произойдёт...

У родителей кончился отпуск. Все члены семьи отнеслись к этой фразе по-разному – Сашка с грустью, Лиза с облегчением, Заболоцкие старшие совершенно нейтрально. Была лишь одна проблема – от них требовалось присутствие в городе Приречном, где готовился грандиозный проект – строительство Летнего Дворца. Командировка планировалась долгой, значит, дочек нужно брать с собой.

– Мы вас одних не оставим! – Олеся так решительно поставила их перед фактом, что Лиза до сих пор не понимала,

как Саша упросила маму позволить ей пожить здесь.

В итоге, сёстры поселились в особняке до конца лета. Разумеется, с кухаркой, стражей и в том же духе. Сначала средняя Заболоцкая жаловалась, мол, её отлучают от цивилизации, но, узнав, что особняк в её распоряжении, быстро умолкла. В конце концов, не так уж и плохо на природе, верно? Саня, с которой недавно случился приступ СРК¹, понемногу выздоравливала, поэтому Лизавета решила не беспокоить родителей и чуть приуменьшила масштаб проблемы. Также она умолчала об эпизоде, когда Сашка спросила у неё, стоит ли пить вторую дозу лекарства, и Лиза, в пику матери, которая всегда отвечала положительно, сказала, что нет. В итоге младшая сестра полночи просидела в туалете, а старшая, виноватая донельзя, – на стуле рядом с уборной. В общем, мама сдалась под натиском обеих дочерей, но обещала обязательно приехать в скором времени. Сегодня Александра чувствовала себя приемлемо, поэтому в данный момент они с Лизаветой сидели в зальной комнате и лениво играли в карты.

– Хм... А если... Так? – пробормотала Саня, чуть приподнимаясь в кресле и скидывая пару валетов на журнальный столик.

Лиза бросила туда быстрый взгляд из-за собственного верера карт. Задумчиво и нервозно покусала изнутри щёку. Она

¹ Синдром раздражённого кишечника – хроническое заболевание, чаще встречается у взрослых.

ещё несколько раз переводила взор с импровизированного веера на сестру и обратно, растирала его картонные пожелтевшие края и резко отдёргивала пальцы. Младшая девочка, приложив холодную ладонь к ноющему животу и заулыбавшись, с убеждённостью предположила, что у соперницы есть, чем бить карты, но она не уверена, стоило ли ради этого прощаться с козырем.

– Слушай, у тебя лицо такое... сложное, – хихикнула Саша.

– Не надо на меня смотреть! – возмутилась Лиза. – Имею право подумать! Не в покер играю.

– Ты лучше тузами не свети, – поддразнила её сестра и игриво изогнулась. Девушка испуганно прижала колоду к груди, но осознав, что над ней насмеются, быстро щёлкнула им по Саниному носу.

– Ух я тебя! – замахнулась на веселящуюся девочку блондинка. – Если бы не болела. Чтобы знала, как над старшими издеваться!

– Ты ход свой уже сделаешь, или нет? – прыснула та. Елизавета вздохнула, покачала головой и, в конце концов, взяла злосчастных валетов, глядя на них крайне осуждающе.

– Я бы на твоём месте вела себя вежливее. Мы же здесь одни, все дела...

– Вот так угроза! – закашлялась Саша, не прекращая улыбаться. – Кстати, сегодня какой день недели, пятница?

– Четверг, – Лиза злорадно ухмыльнулась. – Так что на

скорую помощь родителей не надейся! Ой, а у тебя все карты на виду!

– Правда? – делано удивилась девочка. Неторопливо вернула колоду в прежнее положение и понизила голос до загоvorщицкого шёпота. – Я думаю, мы договорились.

Блондинка, пребывающая сегодня в прекрасном настроении (что случалось редко), после маленькой паузы искренне и очень громко, очень заразительно расхохоталась, даже не потому, что шутка была смешной, а просто так: потому что играть в «Дурака» интересно и сидеть в просторных уютных креслах, когда стрелки часов уже показывали полночь, хорошо. Сашка тоже окончательно развеселилась и без стеснения залилась радостным смехом, но вдруг как будто что-то вспомнила, вжалась в спинку кресла и опустила грустный взгляд на руки.

– В чём дело? – остаточнo хихикнув, спросила Лизавета. – Поняла, что проигрываешь? Я соглашусь на реванш.

– Нет, – Санька отложила колоду. Задор окончательно угас. – Просто ты так не радовалась с тех пор, как рассталась с ребятами. Наверное, очень волнуешься из-за того, что больше не общаешься с ними.

– Нет, конечно, – фыркнула та. – На что они мне?.. – во все не чуткая девушка поморгала, задумалась. Было слышно, как с трудом скрипят шестерёнки в её мозгу.

– Это ТЫ волнуешься, – членораздельно произнесла она. Сестра ещё больше поникла, и блондинка поняла, что попа-

ла в точку. Мыслительный процесс вновь запустился. – Получается, и тебя тоже, – она изумлённо подняла брови, – с глаз долой, из сердца вон?

Сашка не опровергла.

– Но как? Вас же не разлучить!

– Было. Было не разлучить, – поправила девочка.

– Они обидели тебя? Сказали что-то? В вашу последнюю встречу?

– Точно не помню. Вроде, просто разошлись, – Александра совсем скуксилась. Лиза заворчала, но подошла к девочке и села на подлокотник.

– Не ожидала от них, – призналась, она, протянув белую руку Саше. – Зато ты теперь понимаешь, почему я с ними порвала. Чтобы они не порвали со мной.

– Как романтично, – хлопнула та.

– Да, как-то не в моём духе. Но подумай, если они так разбрасываются, скоро от них останется полтора землекопа.

– Сомневаюсь, они изначально были сплочёнными, мы присоединились позднее.

– Какая теперь для тебя разница? Забудь и добро пожаловать!

– Куда? – донельзя удивилась Саша.

– К нам! До того, как ты познакомилась с этими пугалами, мы со всем справлялись вдвоём.

– У нас будет команда из двух человек?

– А что тебе не нравится?

Сашке нравилось всё, поэтому она с готовностью сжала сестру-тростиночку в тисках.

– Не задужи! – успела пискнуть девушка.

Россия. Вступление во взрослую жизнь

Постоянное, непрерывное жужжание шин по асфальту стало за долгие годы вождения таким привычным, что Света перестала его замечать. Точно так же и какое-то молодёжное радио, включённое на стандартную громкость – совсем не раздражало слух. Если что-то сейчас и раздражало водителя – слишком яркое солнце, недавно показавшееся из-за горизонта, что било в глаза и вынудило надеть старые тёмные очки. Женщина воровато огляделась и на секунду отпустила руль, быстро вытирая потные руки о кофту. Нет, это какое-то издевательство! Отправить бедных детей сдавать экзамены по физике в Бибирево! Слава Богу, она смогла добиться возможности отвезти дочь самостоятельно. Правда, с раннего утра сил на то, чтобы злиться на некомпетентность Министерства Образования, не было, остались лишь жалость и волнение – несильное, все нервы уже успели поистрепаться за одиннадцатый класс. Света посмотрела в зеркало заднего вида, задержала взгляд на искусанных тёмно-вишнёвых губах и мерно двигающейся нижней челюсти.

– Может, возьмёшь ещё? – женщина пошуршала упаковкой с жевательными конфетами. Пассажирка мотнула головой. Она с бессмысленно-сонным измученным выражением взирала куда-то вверх, за окно. Светлана пожала плечами

и положила на язык две сладкие пластинки. Снова ласково поглядела на девушку сзади. Через несколько минут монотонное пережёвывание ириски прекратилось, после чего вновь продолжилось, но уже с попаданием в бодрый ритм новой песни – явный признак того, что дочке она нравилась. И действительно, почти сразу большие круглые агатово-чёрные глаза обратились к небольшому светящемуся экранчику. Света, всё так же следя за дорогой, покосилась на табло встроенного радио.

– Это, кажется... Zedd – Beautiful now. Запомнила?

Остаток пути Рита проспала. Приехали заранее, оценили танец переливающихся снежинок на морозном воздухе и решили отсидеться в родной тёплой машине.

– Вот тебе и пожалуйста, – неодобрительно цокнула мама, рассматривая небольшое трёхэтажное здание, – твой ППЭ²! – её критический тон был вполне справедлив. Школа №254, считавшаяся одной из лучших, являла довольно мрачное, унылое и угнетающее зрелище: обыкновенная кубообразная коробка с высочайшим фундаментом, серыми стенами в грязно-оранжевую полосочку и маленьким редкими зарешеченными окошками.

– Тюрьму напоминает. Или психлечебницу.

– Да ты просто мастерски умеешь обнадёживать, – пробормотала Маргарита, но подтянулась к закрытому окну,

² ППЭ – пункт проведения экзамена

прижалась к нему носом и вперилась взглядом в жуткое строение. Застыла в таком положении. Похоже, внутрь ещё не пускали, поэтому ученики заранее столпились у дверей, и даже на расстоянии ощущалось настроение концентрированной тугой нервозности. Девушка, убедившись в справедливости описания, данного матерью, отлипла от тонированного стекла и сползла на сиденье, с трудом вытянувшись (конечно, почти метр восемьдесят). Действительно, очень похоже. Некоторое время девушка о чём-то сосредоточенно думала, накручивая на палец отросшую чёлку, а потом сердито хлопнула себя по колену. Нет, не достоверно, не по-настоящему! Не случилось бы такого в реальности, никто не поверит! Нужно больше стараться. Рита съехала на мягкое кресло полностью, прикрыла глаза. Как бы всё произошло, будь правдой? А никак, она-то откуда знает? Не хватает опыта... В короткое мгновение сознание переключилось. Марго обеспокоенно пошарила рукой под сиденьем, заталкивая предмет поглубже. Ей не из-за чего нервничать – она здесь по своим делам, которыми ни с кем не обязана делиться. Мало ли, сколько машин останавливается около этого здания за день? А их ничем не отличается от других... Внезапно ветер донёс крики. Со стороны здания. «Что там такое?» – взволнованно встрепенулась пассажирка и привстала, когда автомобиль тряхнуло с такой силой, что он едва не завалился на бок, но всё же, качнувшись, сохранил равновесие и упал с грохотом на колёса. Шины всмятку. Маргарита, охнув, опрокинулась

в салон, запутавшись в ремне безопасности. Спереди послышался визг шофёра, бульканье пробитого пулей двигателя. Окно вышибли, осколки со звоном серебряных колокольчиков посыпались на голову девушке, едва успевшей выставить руки. Справившись с шоком, она забарахталась на полу, задёргалась в ловушке, с трудом вытянулась и заблокировала дверь, к которой уже подбегали. В ту же секунду выворотили кусок металла с другой стороны. Рита закричала, что есть мочи. Не может быть! Неужели никто не придёт на помощь? Чёрные перчатки выволокли её, извивающуюся, по разбитому стеклу на улицу – похитителям ремень безопасности не помешал. С плеч сдёрнули жёсткий, как пластик, пиджак, обмотали им руки вокруг талии. Поставили на землю и окружили, чтобы она получше рассмотрела крупных мужчин в тёмных военных костюмах.

– Что вам нужно? – лягалась и упиралась она, пока её тащили к мрачному сооружению психиатрии. – Вы не имеете права! Я... Полиция! Опустите! У меня ничего нет! Я турист! – от страха она потеряла рассудок.

– Хороший же турист, – один из мучителей обыскал машину и нашёл... Профессиональный фотоаппарат под сиденьем. Просмотрел на запечатлённые улики злодеяний местных врачей. Растоптал технику.

– Нет! – взвыла девушка. Её забросили в раззявленный чёрный проём дверей, поглотивший новую невольную пациентку.

– Солнышко, задумалась о чём? – не выдержала мама.

– Нет... Задремала немного, – очнулась та. Размяла затёкшую шею и посмотрела на мрачную школу – у ворот столпотворение. Хватит мечтать, пора вернуться к насущным проблемам.

– Как-то мне туда не хочется... Может, увезёшь меня обратно? – но сразу же покорно вышла; зацеловала и крепко стиснула в объятиях Свету.

– Ни пуха! И не забудь про наш спор, – напомнила напоследок та. – Косы плести тебе буду!

– Поживём – увидим, – возразила Рита, взлохматив короткие каштановые волосы, которые мама упрашивала отрастить. Девушка же заявила, что скорее она на бюджет в МФ-МУ поступит. На том и разбили руки. Выпускница встала рядом с крыльцом, не решаясь потеснить сверстников. Впрочем, невелика потеря: облицовочная плитка пошла волнами, где-то раскрошилась или вовсе отсутствовала, зато образовавшиеся ямы стали удобными урнами для окурков. Взгляд блуждал, находя всё больше подробностей, не в пользу школы: стены из гадкого шершавого камня, к которому нельзя прикоснуться, не стесав себе что-нибудь; покатый козырёк над входом и забившийся ливневой сток, откуда падали капли на неудачливых учеников; небольшой выступ справа, за которым крылось углубление, куда бросали пустые банки и, предположительно, справляли нужду. Отвратительно. Народ

дрогнул. Двери, изрисованные чёрной краской, чуть приоткрылись, подростки медленно потекли внутрь. А Марго ждала, пока пройдут остальные. Она настроилась на экзамен, приказала себе больше не выкидывать трюков, как тот, в машине, но вдруг издалека заприметила парочку. И чем ближе они были, тем более приковывали к себе внимание: парень высокий, даже закралось сомнение, пролезет ли он в дверь, а девушка едва ли достаёт ему до подмышки. Оба одинаково одеты, в чёрных кепках с непристойными надписями. Они держались за руки, и позвякивали многочисленные дешёвые кольца, по паре штук на пальце. Оба некрасивы – самый мягкий эпитет, подобранный Риткой. Они прошествовали мимо, девушка обхватила спутника за талию, крепко прижав к себе, и тогда Рита не выдержала: «Настоящий типаж!», вклинилась между рядами и с гулко стучащим сердцем направилась за ребятами. Быстро приноровилась к ритму их шага. В раздевалке замешкалась и на время потеряла их из виду. Заметалась, но быстро обнаружила их у стойки регистрации. Побежала к очереди, не расталкивая людей локтями, но активно пробираясь к цели. Едва не налетела на парочку, задержала дыхание. Вблизи они ещё необыкновеннее. Готы. Ирина и Никита. Всю дорогу Маргарита, нет, не преследовала, лишь внимательно изучала их – неужели они не поделились бы двумя минутами с ней? Взглянула на талончик и огорчилась – её номер аудитории с их не совпадал. Ира внезапно мотнула головой, и Марго в последний миг отвер-

нулась, притворившись, что заинтересована красочным информационным плакатом. Ирина насуплено осмотрела людей позади, и особенно задержалась на Ритке. Заподозрила. Плохо. Она пропустила несколько учеников вперёд, чтобы не попасться вновь. Поднялась по лестнице на третий этаж, хотя самой нужно на второй. Объекты наблюдения остановились у стандартных грязно-зелёных диванчиков и облюбовали один из них, самый отдалённый, в тени искусственного папоротника. Девушка что-то настойчиво повторяла спутнику, то и дело поворачивала его к себе – дёргала за колени, хватала за щетинистый подбородок, уши, кольцо в носу, усердно целовала в губы. Парень, видимо, был настроен благодушно и не сопротивлялся. Кстати, под плащами ребят всё же оказалось некое подобие школьной формы; цепи вместо ремня держали узкие брюки, укороченные рукава рубашек демонстрировали чёрные от татуировок предплечья. Марго, малодушно выглядывая из-за двери туалета, зачарованно потянулась за телефоном. «Сама не верю, что это делаю...» и сфотографировала жертв. Ещё раз. Внезапно из кабинета выползла учительница, испортив тучными телесами хороший ракурс, прикрикнула на опаздывающих, и Ира с Никитой поплелись в класс. Рита в последний раз сфокусировала камеру, нажала на кнопочку... И с лица спала. С экрана, прямо на неё, без сомнений! сумрачно смотрела Ирина. Похолодев и вспотев одновременно, вскинула голову. В неё впибалась вилами пара пронзительных глаз. Девушка не приду-

мала ничего лучше, чем бежать. Сам экзамен она не запомнила.

– Эй, ты! – Марго не вздрогнула, а лишь мученически зажмурилась, предчувствуя подобное.

Как прилежная ученица, она высидела все положенные четыре часа, и в школе осталась едва ли не последняя. По крайней мере, в коридоре кроме неё и окликающих никого не было, и притворяться, что она не поняла, к кому обращаются, бессмысленно.

– Ты хорошо слышишь? Я могу повторить!

Конечно, хорошо. Но она так хотела избежать неприятного разговора, специально задержалась, а они её ждали, значит, всё серьёзно... Она изменила курс и с видом каторжника приблизилась к Ире с Никитой.

– Здравствуйте. Вы хотели поговорить? – вежливо спросила она.

– Да, – гаркнула девчонка и вскочила. Она дышала Рите в плечо, но спокойнее не становилось. – Как тебя зовут?

– Маргарита.

– Я Ирина. Это Ник, – Ник, к слову, сидел на скамеечке абсолютно спокойно и незаинтересованно.

– Понятно, – помолчав, она сделала робкий шаг назад.

– Я, собственно, что, – девчонка смачно ругнулась. – Прошу прощения за мой французский. Так вот, я, собственно, что: нам очень лестно постороннее внимание к нашей персоне, но, если ещё раз замечу, – она дала время переварить, –

то так получишь... я даже придумать не могу, как сильно. От меня, Ник мой а-ля с принципами, – она хохотнула, качнувшись к парню, так же безучастному. – А пока прощаем. Уяснила?

– Уяснила, – сочла разумным согласиться Рита. Грубиянка пожевала губами, намереваясь сплюнуть, но сдержалась, ограничившись циничным цоканьем.

– И дам совет: заканчивай с этими своими фетишами. Мало ли, какие люди попадутся, – она с топаньем прошагала мимо Риты. За ней, как на верёвке, последовал Никита, дежурно попрощавшись с Марго. Та же с облегчением выдохнула, радуясь, что не дошло до драки. Однако пока немного остереглась выходить на улицу. Вдруг им на свежем воздухе что в голову взбредёт...

Ростерия. Краткий курс юного историка

Летопись, перевод, второе тысячелетие до нашей эры: Могущественное государство Египет Великий пережил битвы междоусобные, длившиеся не одно столетие, нашествие войска ужасного, восстание рабов нечестивых, приход самозванца, прогневавшего мать-природу, и воцарился ныне на всей земле, упрочив власть свою среди чужеземцев. Мудрый фараон – истинный посланник всевышних, духи земные благоволят ему. Никогда ещё прекрасный Нил не был так щедр и полноводен, Земля плодородна, а Солнце ярко и светло. Сила Хапи растёт и разливается, Египет не жмётся боле у великой Реки, а ширится и грозит соседям, не признающим

всемогущего Геба (бога земли), отрицающих безграничную любовь Земли и поклоняющихся отвратительным человекоподобным идолам. Гор-наставник (бог покровитель правящего на сей день фараона) отвёл властителя всеобщего к Анукет (богиня-покровительница I порога Нила и его разливов), она показала место тайное, где Нил продолжает небо и сияет звёздами. Испив из него, фараон принял в себя Жизнь и пошёл один походом на безбожников и разгромил их войско и храм лживый разрушил, в назидание. Соседями остаются лишь Вавилоне, что пьют солёные слёзы их моря и просят защиты у демонов с безобразными ликами, с коими квитаться не станут наши боги – сами перегрызутся меж собой.

Летопись, перевод, второй век нашей эры: Рим венценосный, возглавленный богоподобными Ромулом и Рэмом, открыл новую эру: люди ныне не только наблюдатели, но участники, они испивают Жизнь из источников с молитвою и меняются необратимо. Правители стали Богами и поселились на Олимпе, воины обрели силу невиданную, последователи Солнца, что с детства имеют связь с судьбой и её путями сложными, но без сомнений верными, особенно ясны в мыслях и дружны с природою, выполняющей их просьбы, и нет больше восстаний, врагов заморских и голода безжалостного. Сognaв гнусных Карфагенов, пред тем загубивших Эллинов, а ещё ранее финикийцев и Вавилонов, мудрый император напоил из чудесного моря воинов, чтобы те охраняли поднебесный народ, а лишь после сам, да не поскупился для

детей своих римлян ... (неразборчиво) Слава Риму венценосному, государству невиданному с людьми богоподобными и правителем милосердным и отважным!

Летопись, перевод, пятнадцатый век: за грехи наши было ниспослано наказание – зараза, уродующая всё вокруг себя в радиусе мили. Появились люди, не из глины и воды. Они отвергают мать свою землю и утверждают, что «сами знают, сами ведают» и именуют себя учёными. Народ же прозвал еретиков ведьмами. Они говорят речи ужасные, превозносят «могучую силу разума человеческого», забывая о главном и первоначальном нашем благодетеле, толпа же безмозглая слушает их. Ведьмы пытаются создать машину дьявольскую – перпетуум мобиле, и требуют, чтобы им разрешили металл бездушный святой водой наполнить. За ересь такого рода их надобно в пламени очищающем сжигать, и прах не хоронить ни в коем случае – скверна их землю портит.

Летопись, перевод, начало восемнадцатого века: горе пришло великое – всё боле и боле людей следует за одержимыми дьяволом. Они принесли свои «винтовальные ружья», против которых наши мечи бессильны, убили монахов и опустошили весь верхний порог реки Сорки, чтобы создать топливо для своих бесовских машин. Деревья чахнут, трава увядает, ручьи пересыхают, почва трескается. Но хуже не то: недавно монарх новоявленный испил из священного источника, боли у него страшные поднялись, и слёг на неделю. Жизнь уходит из наших краёв, как бы мы не пытались её

удержать.

Летопись, перевод, девятнадцатый век: открылись людям истины запретные, как дома строить, подобные вавилонской башне, как материалы неприродные творить, как свет без огня добывать. Почти всё население пользуется «благами прогресса» – земля отныне далеко не так плодородна, солнце жарит головы, да не растит посевы, дождь мочит рубахи, да губит урожай. Воды всё меньше, к соседям заморским за милостыней вынуждены были идти-кланяться, да остались ни с чем – у них беды похлеще. Властителям не являются духи-покровители и не дают советы. Жизнь покинула эти земли и затаилась где-то, а где – нам неведомо.

Летопись, восемнадцатый век: с начала апокалипсиса, названного «промышленным переворотом», хребет Уральский словно вырос в размерах, Алтай возмужал, а равнина просела. азиатская часть России оказалась в котловане, чернозём вновь пожирнел, водоёмы вышли из берегов, леса зашелестели, ураган обратился ветром. Жителям строго-настрого запрещено покидать прибежище земной энергии или рассказывать о нём кому-либо по ту сторону гор. На границе расставлена стража. Контакты с ближайшими странами ограничены. Люди боятся, как бы не пошли войной соседи, да они словно забыли о нас: к горам не подходят и на километр, а если собираются, так забывают, а особо упорные умирают скоростно от хвори жуткой. Царские послы с указами, фискалы и прочие государственные объезжают нас сто-

роной, словно морок на них. Дьявольские двигатели также не тревожат нас. Вероятно, природа-мать защитила себя и своих самых верных сынов от дураками восхваляемого «технического прогресса», берущего исток из западной Европы. Судя по наблюдениям, территорию остального мира Жизнь покинула.

Летопись, девятнадцатый век: обученные воины делают вылазки во внешний мир, а потом рассказывают истории жуткие: ведьмовство и наука процветают, неестественный шум и грохот наполняет улицы, дышать всё сложнее из-за пыли, то и дело мутнеет в голове. Ночью светло от стеклянных свечей, днём темно от угольных туч. Брать любое детище ведьмовских происков, а особенно приносить их в Ростерию (так нарекли новое государство в честь залежей камня чудного, ибо Россия и прочие нам более не указ) строго воспрещается под страхом вечной ссылки. На родину были возвращены полотна выдающихся художников Азии, некогда украденных и доставленных в грязный Петербург, подчинивший и подмявший великую Неву. Скверный город не имеет права владеть нашими картинами и носить святое имя. Некоторые ленивые жители пытались бунтовать, против «безмашинья», но были отправлены в Сибру – это привёт им любовь к ручному труду. Хотя люди правы, нужно найти способ упростить полевые работы без вреда земле.

Летопись, двадцатый век: поставили себе целью создать орудия, чтобы земле не вредили и люду жизнь облегчили.

Увы, нет таких мудрецов среди нашего народа, он хотя и славный, да не по умственной части. Зато лучшие мастера, привезённые вместе с сокровищами из соседних стран, изобрели механические камины, работающие по принципу огнива и мехов, факелы с подачей топлива за счёт разности давлений, модернизированные орудия труда и способ много-разового безотходного использования угля. Разумеется, всё вышеперечисленное будет использоваться и производиться в минимальных объёмах, но люди задобрены и успокоены. Мудрый правитель Кирилл I (не первый, единственный) даже разрешил в первые пять лет всем жителям его города, кто сможет себе позволить, скупать новые изобретения. Впоследствии будут введены имущественные и сословные цены.

Разгорелась война страшная, мировая, вторая за век – мудрость земная покинула людей и нет между ними согласия. Бьются за территорию, ибо больше биться им не за что. Ростерия вмешиваться в дела внешнего мира не будет. Дьявольская техника – огромные стальные птицы с ношей смертоносной, уничтожающей всё вокруг, оружие на колёсах и прочее по-прежнему не замечает, не достигает и не имеет ни малейшей власти над нами. Слава земле, да защитит и бережёт нас!

Природа щедра и благоволит нам! Со времён апокалипсиса мы и помыслить не могли о том, чтобы возродить волшебные реки и озёра, но вдруг разверзлась земля и пробил-

ся ключ с водой прозрачной как хрусталь и сладкой как мёд, прохладной даже в жару. Император с фаворитами его, испившие воды той, обрели силу, о которой знали лишь из книг; источник сей обнесли стеной, в честь его был построен дворец красоты необыкновенной. До полнейшего исцеления земли к воде святой не дозволено никому прикладываться кроме правителя и членов королевского двора. Ликующий народ успел назвать сие чудо «жидкими чарами».

Лихо одноглазое в роли почтальона

Погода переменилась очень быстро и неожиданно: ещё день назад светило солнце, на небе ни облачка, хотя и дул прохладный ветер, а сегодня – пожалуйста, дождь, хотя нет, ливень, хорошо, что без града. Саша сидела на узком дорогом деревянном стуле с высокой спинкой, закинув босые ноги на низкий дубовый журнальный столик, и читала новую толстую приключенческую книгу с жёсткой красивой обложкой. Её густые русые волосы впервые за очень долгое время не были стянуты в косу, а распущены, и, когда девочка закидывала голову назад, доставали почти до пола. Вдруг относительную тишину прервал грохот, потом топот, и в зальную комнату влетела раскрасневшаяся и запыхавшаяся Лиза, сразу наткнувшись на отвлѣкшуюся от истории сестру. Уже пару недель Лизавета находилась в несвойственном ей восторженном, а порой и вовсе эйфории, что наводило на разные тревожные мысли и подозрения, чаще всего, небезосновательные. И сейчас лицо средней Заболоцкой свети-

лось от довольства и гордости, она смешливо поглядела на девочку и хихикнула:

– Что за сказка? – она резко нагнулась, прищурившись, всмотрелась в обложку. – Пикс... Пиксельный город!

Сашка быстро убрала роман за спину.

– Что же ты? Дай почитать!

– Ты без очков, – извернулась девочка. – И книги не любишь.

– А вдруг понравится? – блондинка поощряюще кивнула сестре. Та послушно вернулась к заложенной странице.

– «А я считаю, что у нас так быстро кончаются припасы из-за чрезмерного аппетита кого-то из участников команды, – сказала Настя и многозначно покосилась на Шурика»...

– Ой, здесь героя-обжору зовут так же, как тебя! – в восхищении взвизгнула девушка. Сашка была настроена менее восторженно.

– Да, перегнула палку, но чуть-чуть! Кстати, знаешь, почему я сразу же тебя нашла? – и, не дождавшись ответа, продолжила. – Потому что ты всё там же, где я тебя оставила несколько часов назад! Что с тобой, совсем тебя не узнаю! Обычно ты такая егоза, а в последнее время всё сидишь на мягком месте, даже скучно.

– Я тоже тебя не узнаю, – заухмылялась Александра.

Елизавета пропустила это мимо ушей, пребывая в экстазе.

– Аааа, ты же болеешь, – догадалась она. – Хотя выгля-

дишь ты уже гораздо лучше, посмотри, какая румяная! – девушка попыталась ущипнуть Сашу за щёку, но она неловко увернулась, чуть не упав со стула.

– Успокойся! – рассмеялась та. – Отчего ты сегодня такая возбуждённая?

Лиза таинственно поиграла бровями, после чего резким движением вытащила из кармана... Панфлейту³.

– Откуда она у тебя? – округлила глаза Саня.

Оказалось, что ещё утром девушка решила порыться в мамином и папином старом сундуке, что стоял в углу кладовой (услышав такое, Александра осуждающе покачала головой) и нашла это чудо, как сама его постоянно называла, в неизношенном и прекрасном состоянии, а после ещё полчаса поисков и обучающую инструкцию, а потом старательно впитывала новые знания и тренировалась.

– Нет, ты представляешь! – радовалась она. – Какая же прелесть, а!

Самая настоящая прелесть: элегантная, изогнутая и лакированная, для женской руки (точнее, рта))), но правильную Александру такой аргумент не разжалобил.

– Всё замечательно с одной стороны, но не очень с другой, – и, увидев недоумение на лице сестры, пояснила. – Инструмент, в конце концов, не твой, и я бы положила его обратно, а лучше вообще не брала бы без спроса.

³ Панфлейта – класс деревянных духовых инструментов, многоствольная флейта, состоящая из нескольких пустотелых трубок различной длины.

Поняв, что Саше каким-то непонятным невозможным образом не передался её восторг, Лизавета закатила глаза и поспешила оправдаться.

– Я знаю, и обещаю тебе, что скоро верну, но, во-первых, мы родителям не чужие люди, чтобы разделять вещи на «моё-твоё», а во-вторых, сундук стоял там с начала времён! И вряд ли мама вообще помнит о его существовании. Санечка, а?

Младшая Заболоцкая рассмеялась, неожиданно для себя услышав просящий тон блондинки и закивала.

– Ладно, раз уж взяла, развлекла бы меня. Посмотрим, как у тебя выходит.

– На самом деле, всё совсем не сложно, хотя ты и могла так подумать... Впрочем, и я сначала то же подумала, да не суть, ты посмотри только!

В следующую секунду она поднесла инструмент к губам, сделал глубокий вдох, сосредоточилась, в чертах её выразилось напряжение и удовольствие, после чего она подула. Нет. Запела. Запела то ли Лиза, то ли флейта, то ли их единство, Саша не знала, она просто с зачарованным видом *смотрела* и слушала, как не слушала, казалось, ещё не на одном оркестре в жизни. И вовсе не потому, что у девушки-подростка получалось производить на свет мелодию гораздо искуснее и красивее, чем у всех тех скучных пожилых знаменитых мастеров, разумеется, такого даже и не могло быть; а потому, что у неё *получалось*. Признаться честно, сперва девочка не

верила, что Елизавета сможет создать музыку, хотя и простенькую, хотя и с фальшью, хотя и подглядывая в журнальчик с нотами, но всё же... Кажется, играющая тоже получала огромное наслаждение от процесса.

Представление закончилось, и младшая девочка с серьёзным и немного торжественным видом зааплодировала.

– Что скажешь? – спросила смущённо выступавшая.

– Скажу, что если бы я обладала хотя бы десятой долей твоего невероятного дара осваивать любое мастерство в считанные минуты, то жизни бы не пожалела, чтобы научиться всему.

Лиза не уловила лёгкой грусти в голосе сестры.

– Так что скажешь-то? – не отставала она.

– Очень понравилось. Конечно, если ещё потренироваться неделю-другую, совсем хорошо будет, но ты же не будешь.

– Почему не буду? – возмутилась Елизавета. – Может, я с этим жизнь свою свяжу...

– Потому что очень быстро и часто увлекаешься. В прошлом месяце ты была в восторге от рисования, а в позапрошлом от вязания спицами. Прикладывала бы ты хоть сотую часть этого упорства к учёбе.

– Что правда, то правда, – не смогла не согласиться девушка.

– Пойду, положу обратно, – помахала инструментом перед Саниным носом Лиза, но та вдруг схватила её за подол.

– Всегда мечтала играть на чём-нибудь, – задумчиво про-

изнесла Саша и медленно забрала флейту у старшей сестры. – Теперь и я, кажется, понимаю...

– Что, «чужое не брать» уже не актуально? – поддела Лизвета, но на неё не обратили внимания. – Да, сильно не радуйся, сегодня твоя очередь готовить ужин.

Александра с мученическим видом застонала. Злорадный ответ Лизы заглушил неожиданный стук в дверь. Девушка раздражённо выдохнула, развернулась и выбежала из комнаты, приговаривая «И кого Лихо Одноглазое в такую погоду...». Саша напряжённо выглядывала в дверной проём. Вернулась сестра быстро, с недоумённым видом и конвертом в руках.

– Почтальон приходил, – сказала она, о чём несложно было догадаться. – Скорое письмо прислал.

– Кто отправитель? – задала риторический вопрос Саша.

– Родители, – подтвердила её мысли старшая Заболоцкая.

Она распечатала, хотя скорее разорвала конверт, и, пощурившись с минуту, отдала плотную вощённую бумагу Александре. Та зачитала: «Первое, что хотим сообщить – не волнуйтесь, ничего страшного или неприятного не произошло (и происходить не собирается), а пишем мы вам для того, чтобы заранее предупредить вас о нашем скорейшем приезде, намеченном на четверг, в силу того, что...»

– Мы идём на бал к Лихоборовым? – бессмысленно повторила Лиза, до которой отказывался доходить смысл про-

изнесённых слов.

– Да, Олег Ярославович Лихоборов прислал приглашение твоему отцу, – отозвалась мать, занятая тем, что разбирала чемоданы после приезда и судорожно раскладывала вещи в шкаф и комод.

– Мне кажется, или папа не очень рад, – пробормотала тихонько Саша, наблюдая за нервно расхаживающим туда-сюда Николаем.

– Он очень рад, правда, Коленька? – напряжённо бросила Олеся, возвращаясь к своей одежде.

– И приём начнётся завтра в два часа дня? – уточнила девочка.

– Да-да...

– Тогда зачем суетиться уже сейчас? – продолжила Санину мысль Лиза.

Мама дёргано повернулась к дочерям.

– Скажите мне, нас так часто зовут придворные? Или вы много раз были на балах?

– Нет...

– И я тоже, поэтому пытаюсь сделать всё возможное, чтобы исправить ситуацию!

Олеся снова захлопотала о гардеробе, а сёстры удивлённо переглянулись и попятились к лестнице, чтобы не мешать.

– Секунду! Лизавета! – донёсся снизу голос матери. Девушка остановилась.

– Найди свои серые туфли, они хорошо подойдут к тому

фиолетовому костюму и серьгам... И-и-и-и, да, а ты, Саня... Впрочем, я скоро сама поднимусь к тебе и подберу одежду.

Елизавета недоумённо нахмурилась.

– Те туфли остались в Кирилльске... – осторожно напомнила она.

– Что? В Кирилльске? Вот же гадство! И что же теперь делать? Почему ты вечно всё забываешь?!

От подобного обращения даже Лиза онемела, вытаращила глаза и открывала-закрывала рот, как рыба.

– Я же... Я же!.. – заколотило от злости девушку.

– А другие нельзя надеть? – крикнула Саня, поглаживая сестру по спине.

– Да какая разница! – неожиданно вмешался Николай. – Какая разница, что за обувь, что за одежда! Лично я считаю, что главное – выглядеть чисто и не неряшливо, а остальное – пустяки. В конце концов, перед кем вы собираетесь красоваться? Перед Лихоборовыми? Поверьте, хвастаться – их прерогатива. Так ведь? Иначе зачем устраивать приём, специально покупать новый особняк и приглашать нас? Бояться, что мы ещё не знаем, что они фавориты Императора? Уж мы то с вами точно в курсе.

– Очень надеюсь, что ты не скажешь подобного на балу, – ответила мама спокойно. Дочери же впервые видели отца таким вспыльчивым и раздражённым. Неужели не смирился с поражением?

– И кстати, срочно напиши в «Башмаки от Марфуши»,

скажи, что нам уже к завтрашнему утру нужны туфли на заказ, цвета... А впрочем, ничего не делай, я сама напишу, ты не знаешь мерок...

– Нам можно идти? – осторожно спросила Александра. Похоже, родители в суматохе не расслышали девочку, так что восприняв молчание за согласие, она вслед за Лизой поспешно вернулась к себе.

На следующий день почти все Заболоцкие встали раньше обычного: Николай с Олесей – чтобы заранее всё подготовить к поездке, Саша – услышав возню и шум, а Лиза... Её и пушечный выстрел не поднял бы. Мать с отцом жутко суетились, брались то за одно дело, то за другое, и Саньке совершенно не удавалось не то, что помочь чем-либо, но и понять, чем родственники занимались в данную секунду; лишь раз она смогла расслышать более или менее самостоятельную часть диалога:

– ...Да, и надо срочно вызвать какой-нибудь транспорт, путь неблизкий, – суетилась мама.

– Думаю, четвёрка лошадей нам отлично подойдёт, – пробурчал папин голос.

– Коля... – уже осуждающе, – не строй из себя шута. Я поручаю тебе серьёзное дело.

– Хорошо! Кибитка... И не смотри на меня так! Хорошо. Я прикажу привезти ту самую, последнюю кибитку. Она же тебе нравится, да?

– Пожалуй, да, – со скрипом согласилась Олеся, – но ты

ведь знаешь, я была не против автомобиля⁴.

– А я против, – категорично заявил Николай, – Олег Лихоборов обязательно решит, что мы привлекаем внимание. Они правят балом, нечего забирать их лавры.

– Ох, беды одни с их приглашением! – простонала мать, и на этом варианте старшие Заболоцкие пришли к компромиссу.

Кухарка Зинаида вынуждена была уволиться из-за болезни дочки. Родители не поскупились на выходное пособие и с радостью наняли другую, бездетную, кухарку, которая обещала приступать к работе засветло и уходить на закате, поэтому сегодня завтрак был подан не в девять часов утра, а аж в семь. Александра привыкла, что мама с папой регулярно меняли обслуживающий персонал и почти не отреагировала на известие об уходе Зины Прокопьевны, тем более что эта женщина ей всегда отчего-то не очень нравилась. Кстати, совершенно неожиданно Олеся решила позавтракать со всеми церемониями – в столовой и в присутствии нескольких дворецких (вызванных специально для этой клоунады),

⁴ В Ростерии существуют автомобили, работающие на угле. Выхлопная труба выводится в специальный герметичный отсек с двумя целями: во-первых, не допустить выделения угольной пыли и загрязнения атмосферы (внутри установлены фильтры грубой и тонкой очистки); а также использовать спрессованную угольную пыль для вторичного использования. Подобный вид транспорта очень дорого стоит в силу своего губительного воздействия на окружающую среду, поэтому только самые влиятельные семьи могут позволить себе автомобиль, предварительно заплатив огромную сумму, чтобы встать в очередь на покупку. Гораздо доступнее (но тоже недёшево) стоит аренда государственного автомобиля.

очевидно, заранее готовилась к приёму. Итак, всю еда, хотя в данном случае кушанье, уже сервировали в лучшем виде, а Заболоцких до сих пор за столом присутствовало лишь трое, и Сашу снова отправили наверх будить сестру. Однако, когда девочка открыла дверь, то обнаружила Лизу, полностью одетую и умытую, лежащей поперёк кровати и болтающей ногами.

– Так ты уже не спишь? – возмутилась Саня.

– А должна?

Этот вопрос, очевидный и наглый, сбил Александру с толку.

– Мы тебя, вообще-то там, внизу, ждём!

– Да? Тогда сейчас приду, – казалось, девушка о чём-то крепко призадумалась. Младшая Заболоцкая мгновенно смягчилась и плюхнулась на жёсткое кресло в углу.

– Как всё странно, да? – первой начала разговор девочка, у которой внутри словно бурлило от волнения, не испытанного ей ранее.

– Что?

– Как же, что? Мы – и на самый настоящий бал; слово даже такое смешное, несерьёзное, понимаешь? Как будто для нас всё детское, а бал взрослый; там будут и другие, и всё это уже сегодня. Нам и костюмы подобрали взрослые, меня раньше только в платья с рукавами-фонариками и кружевом наряжали; да ведь это всё в первый раз, ты понимаешь? – Саня совсем изнервничалась под конец своего путаного объ-

яснения.

– Ничего странного не замечаю. Всё в жизни бывает в первый раз, – с напускным равнодушием ответила Лизавета, не вставая с кровати.

– Хммм... Ан нет, я вижу! Ты губы поджимаешь, и глаза у тебя блестят! Что ты таишься? Я уже поняла, что тебе хочется на приём так же, как и мне!

– Хорошо-хорошо – замахала руками та, – ты меня раскусила. Мне, правда, было бы гораздо приятнее, если бы приглашение нам с тобой прислали отдельное.

– Не злись на них. Открою тебе секрет, они волнуются не меньше нашего...

– Никакого секрета ты мне не откроешь, и так всё вижу. Особенно отец беспокоится, даже злится.

– Он с детства мечтал быть приближенным ко двору и обладать магией, – понизила голос Саня, подходя ближе и предварительно прикрыв дверь. – Мама говорила, для него это главная цель. Помнишь, раньше он постоянно отсутствовал? Он регулярно посещал Дворец. Сначала, – Лизе приходилось наклоняться вперёд, чтобы расслышать, – наша семья должна была получить дар из Источника. Но примерно четыре года назад Лихоборов раскрыл секту, которая готовила восстание...

– Секунду, – оборвала её Лиза. – Причём здесь Лихоборов? Разве не Осведомители должны раскрывать подпольные клубы и подавлять мятежи?

– Наверное, они просто не заметили, – не придавала должного значения Сашка. – Так вот, через год выяснилось, что папа когда-то давно дружил с одним из её членов. И всё, – Сашка развела руками.

– Вот как. Лихоборовы вырвались вперёд, а папа завидует, – завершила блондинка.

– Но это же не помешает нам наслаждаться вечером у Лихоборовых, да?

Елизавета перевела дух.

– Ума не приложу, почему мать всё рассказывает только тебе?

– Потому что я её называю «мама», а не «мать», – рассмеялась девочка.

– Ничего, зато у меня есть другой информатор, – подбоченилась Лиза.

– Твой таинственной друг у Лихоборовых, с которым вы видитесь дважды в год? Так он тебе всё и расскажет, ага!

– Не важно, – обиженно отмахнулась Лиза, – главное, мы понимаем друг друга! Да, и встречаемся мы часто, в школе.

– Так значит, он твой ровесник? Всё, молчу-молчу, – Саша с трудом увернулась от сестринских тумачков.

– Да что ж такое?!

Сёстры подскочили на месте. На пороге комнаты стоял Николай, уперев ладони в косяк, скорее нервный, чем разозлённый.

– Нужно ведь совесть иметь! Мы с матерью вас там ждём

– не дожждёмся.

Девочки через секунду прошмыгнули под руками отца и чуть ли не кубарем скатились с лестницы.

Во время завтрака, неуютного и несемейного, Александра вдруг отложила вилку, вскочила из-за стола и убежала куда-то. Лиза недоумённо посмотрела ей вслед – что сегодня со всеми творится? До полнолуния же ещё далеко. Родители тоже на секунду вытянулись, отслеживая путь меньшей дочери, пока та не скрылась за поворотом, а потом продолжили есть мягкие большие горячие вафли, запивая какао. Лизавета без стеснения уже третий раз брала добавку, щедро поливая и без того сладкое тесто вареньем.

– Я бы на твоём месте сократил темпы поглощения, – сказал Николай, почти не притронувшийся к еде. Вилка с особенно большим и пропитанным джемом куском замерла на полпути к Лизиному рту.

– Чтобы вечером нанести как можно больший убыток Лихоборовому столу.

Напрягшаяся было девушка хихикнула, а Олеся не выдержала.

– Может, прекратишь уже, а? Сам ведь себя накручиваешь.

Папа насупился, и тут в столовой снова показалась Саня, немного бледнее обычного. Она села обратно на своё место рядом с Елизаветой и как-то вяло начала ковыряться вилкой в тарелке, хотя была известной сладкоежкой, так же, как и

сестра.

– Что-то случилось? – нетерпеливо спросила мать, неприязненно посмотрев на дворецких и отослав их резким движением руки.

– Ничего, я просто подумала, что, может, было бы лучше, если бы вы пошли на приём... Без меня.

– Что? Почему? – первая вскинулась блондинка. Провести всю вторую половину дня за столом с чопорно-учтивыми гостями и хозяевами – нет уж, увольте!

– В приглашении упомянуты четверо членов семьи Заболоцких, то есть, все мы, – нахмурилась мама, – и крайне неучтиво с нашей стороны...

Кажется, папа очень хотел сказать какую-нибудь колкость, также связанную с будущей поездкой, но, недавно осаждённый, решил промолчать.

– Я знаю, но боюсь, как бы не вышло ещё более неучтиво, уже с моей стороны, – сказала девочка. Она выглядела очень расстроенной и, судя по всему, по-прежнему мечтала о бале, но уже приготовилась к тому, что останется дома, одна, в то время как остальные её родственники отправятся развлекаться на званый ужин к ни много ни мало всеобщим знаменитостям. Низко склонённое завешенное волосами личико Саши, пока ей в голову приходили подобные мысли, стало настолько грустным и жалобным, что Лизавете ложка мёда поперёк горла встала, и пришлось отодвинуть от себя недоёденный завтрак. Получилось слишком демонстративно, и

Олеся, без того уже на взводе, взорвалась.

– Зачем вы мне спектакли устраиваете?! Думаете, у меня терпение бесконечное? Не хотите все трое есть, пожалуйста, не надо, но надеюсь, к вечеру вы придёте в себя и не станете меня позорить! – в следующую секунду она тоже оттолкнула своё блюдо. Саня приняла вид ещё более несчастный, но подняла лицо на родителей и уверенным голосом припечатала их:

– Я не поеду. Просто не могу. У меня, скорее всего, опять это приключение началось, – и приложила руку к животу.

Олеся застонала и потёрла в изнеможении глаза.

– Снова обострение?

Кивок головой в ответ.

– Лекарство пила?

На сей раз отрицательное качание туда-сюда.

– Тогда иди пей!

Девочка быстро прошмыгнула в соседнюю комнату. Надежда на то, что снадобье поможет и Саня будет способна отправиться с родными, очень мала; в конце концов, не в первый раз. Да и лекари рекомендовали «пережидать» спазмы, отлёживаясь в тёплой постели.

– Похоже, Сашу действительно придётся оставить дома, – вздохнул отец, и мама, как ни странно, согласно взяла его за руку.

– Значит, мы всё равно поедем? Опять? – подняла брови Лизавета.

– А что ты ещё предлагаешь? У нас нет выбора, приглашение Олега, особенно нынешнего Олега-приближённого, – настоятельная рекомендация, которую не следует нарушать. Он точно собирается осветить что-то важное, возможно, свой дар. К тому же, такие сплетни пойдут...

– Будет очень некрасиво со стороны Лихоборовых распускать про нас сплетни, – заметила девушка.

– Конечно. Они и не будут, ибо такой поступок грозил бы ещё большим количеством слухов, но теперь уже о них самих... – Николай довольно хмыкнул. – Но не сомневайся, на сегодняшнем приёме болтунов со злыми языками соберётся бесчи-и-и-исленное множество! – прозвучал монолог весьма устрашающе.

Лиза задумалась: надо же, как всё непросто... Блондинка неожиданно усмехнулась – ей вспомнились Санькины любимые слова: «как же сложно жить эту жизнь». Саша тогда совсем маленькая была, да и Елизавета не особо старше, всего на год. От мыслей Заболоцкую спас дребезжащий звон маленького золотого колокольчика в материнских руках. Родители встали из-за стола, а спустя секунду в дверях появилась Лариса Дмитриевна – новая кухарка, молодая женщина самой обычной незапоминающейся наружности, но с весёлыми яркими глазами.

– Мы закончили, убери, будь добра, – показала на оставшуюся еду и грязную посуду Олеся и окинула взглядом старшую дочь: выходи, мол.

В течение следующего часа родители снова занимались организацией поездки, а Лиза отсиживалась в комнате вместе с Сашей и ждала прихода Марьи – специального курьера того самого обувного магазина, которому вчера отослала заказ мама. Тем временем девочки успели полюбоваться Саниным костюмом – чем-то наподобие обожаемых ей сарафанов, всё равно немного детским на вкус старшей сестры, погоревать о том, что Александра снова пропустит званый ужин, но уже у самих фаворитов, сделать множество предположений по всякому поводу: сколько приглашено гостей, какая будет еда, где Лихоборовы купили дом и тому подобное. На секунду их разговор прервала мать, зашедшая в спальню дочери и принёсшая увесистую коробку с обувью внутри. Елизавете следовало нарядиться прямо сейчас, дабы понять, подходят ли новые туфли к костюму и как сидят на ноге. Она послушно оделась и повернулась к зеркалу.

– Красавица, красавица, – беззлобно хихикнула Саня, а Лиза польщённо выпрямила плечи. На девушке действительно очень хорошо смотрелась лёгкая жемчужно-сиреневая блуза с длинными рукавами и прямая юбка того же цвета до середины голени. Блондинка наклонила голову так, чтобы белые кудри упали на плечи.

– Нет, правда красавица, – всё посмеиваясь, повторила младшая девочка, подходя к сестре сзади. – Этот оттенок очень идёт твоим глазам, – она взяла двумя пальцами вытянутую аметистовую серёжку. – И думаю, тебе стоит как-

нибудь эдак прибрать волосы, – её руки подняли и скрутили пряди в жгут, формируя беспорядочную высокую причёску, – а что? Очень даже вся из себя, ммм?

– Возможно... Но я не одобряю долгие сборы.

– Ты вообще не одобряешь ничего долгого! – Сашка легонько шлёпнула сестру по плечу.

– И вообще мне неуютно в официальном наряде! Зачем одеваться так заранее?

– Не ворчи. Лучше дай мне гребень, – Саня стала методично пропускать между редкими зубцами локоны Лизаветы. – До сих пор не верю, что ты уговорила маму не приводить парикмахера.

– Это мне дорого обошлось, – не без гордости заявила та. Когда все процедуры были закончены, девушка вновь посмотрела в зеркало. Она, пожалуй, выглядела чуть старше, что в юности очень даже хорошо.

– Для полноты счастья не хватает только кареты-тыквы и лошадей-крыс! – умилилась Санька.

– Будь добра, не каркай...

Уже перед самым отъездом Саша из-за угла коридора позвала к себе Лизавету. Последняя оглянулась на родителей: они оба стояли у зеркала и расправляли складки на одежде; отец – в официальном костюме и лаковых тёмных туфлях, а мать – в чёрном приталенном вечернем платье в пол на бретелях; вдруг с улицы послышался вопрошающий голос куче-

ра, и Олеся что-то раздражённо ему бросила – им сейчас не до старшей дочери. Лиза подбежала к Александре.

– В чём дело? – нетерпеливо спросила она.

– Ничего, только... Постарайся всё запомнить, хорошо?

И мне потом рассказать.

– Конечно, – пообещала средняя Заболоцкая, – жди новостей и сплетен. Эй, только не расстраивайся, а? Представь, каково мне? Ты не идёшь, и я там, совершенно одна, буду сидеть в обществе разряженных снобов...

– Скажи спасибо, что родители тебя не слышат, – слабо заулыбалась Саня. Елизавета поплевала через левое плечо.

– Лиза! Нам уже пора ехать, торопись!

– Я тебе сувениров привезу, – быстро прошептала девушка, хватая сестру за руки и отстраняясь.

– А разве там продаются сувениры? – усомнилась та.

– Даже если и нет, что мне помешает всё равно тебе их привезти? – подняла белёсую бровь Лизавета и, впопыхах теряя туфли, выскочила на улицу вслед за Николаем.

Долгожданная и не очень встречи

Девушка уже какое-то время тряслась (определение, данное Лизой, несправедливо и жестоко, ведь на самом деле Большая дорога славилась плавным ходом) в просторной пёстрой коляске. Сидела девочка по направлению движения, напротив родителей и поглядывала в окно: лес, постоянная тайга, уже надоело – чересчур однообразно, посмотреть не на что! Кто-то, например, богатый дворянин, просто обязан

здесь, да, именно здесь, всё вырубить, расчистить и построить себе какой-нибудь большой замок с множеством башенок и шпилей, дабы хоть немного оживить пейзаж. Лиза так размечталась, продумала все детали дворца и высчитала относительно небольшой расход, который, разумеется, стоил бы просто сказочного вида из предполагаемого окна, что даже удивилась, почему этому выдуманному кому-то никак не придёт в голову настолько чудесная идея.

«Или мои мысли слишком умные, или остальные слишком глупые! Хотя я никогда бы так не поступила. Жалко лес...»

– Принцесса, – неумело поласкалась вдруг мама. Дочь с удивлением обернулась и осторожно подняла краешки губ. Папа отогнул тюль со своей стороны и надменно присвистнул:

– Какая каменная коробка в стиле зауральских спальных районов. Он в своём репертуаре.

Скоро раздался резкий оклик кучера, и лошади медленно остановились. Первым из кареты вышел Николай, помог двум оставшимся Заболоцким выбраться из кибитки и сразу же направился в сторону козел, расплачиваться и назначать время обратного отъезда.

– Пойдём, – он подтолкнул женщин в сторону особняка, на который девушка пока не обращала внимания, – нас уже заждались.

– Ого, – только и вырвалось у Олеси после изучения но-

вого поместья Лихоборовых. – Ага...

– Теперь ты понимаешь, о чём я говорил? – проникновенно спросил отец.

– Отродья Земли, – вполголоса пробормотала женщина, очевидно подразумеваемая гораздо более крепкое ругательство. – Чтоб им на грудь так же давило, как их дом на...

– Всё-всё, достаточно, – примиряюще протянул руки жене Николай. – Я очень рад, что ты со мной солидарна.

– Причём здесь солидарность? – рассердилась мать. – Я в ярости!

– Я тоже, но на их территории держи это при себе.

– А в чём, собственно, дело? – вмешалась Лиза, безостановочно оборачиваясь то к одному, то к другому родителю.

– Готова поспорить, до того, как стать приближёнными, – проигнорировала её Олеся, – они себе такого не позволяли.

– Конечно, – откликнулся папа, – ни разу. Все их дома построены по оптимальному плану моего прапрапрадеда.

– Да что случилось? – вскинулась Лиза.

– А ты не видишь? – удивился Николай, а после показал на распластавшийся перед ними особняк.

Да, он совсем не похож на другие; в отличие от тянущихся вверх, расширяющихся к крыше домов, как будто стеснительно жавшихся на земле (за что некоторые прозвали их «Цаплями»), это плоское, занимающее огромную площадь здание развалилось на почве, впиваясь в неё тяжёлым фундаментом. Даже цвет поместья какой-то не живой, искус-

ственный – иссиня-чёрный.

– И так? Как тебе такое? – удовлетворённо спросил папа.

– Это, конечно, не очень хорошо, но ничего ужасного и стоящего переживаний я не вижу, – с деланным пренебрежением пожала плечами та, просто потому, что как-то раз в детстве услышала, мол, у каждой личности точка зрения должна быть своя собственная.

– Ничего ужасного? – ахнула мама. – Да ведь это личное оскорбление!

– Кому? Земле? – фыркнула девушка.

– Нет, нам, – отрезала Олеся. – Да, не смотри так недоверчиво. Не знаю, чем ты слушала, но большинство жилых домов и прочих зданий построено согласно схеме, разработчиком которой... – она эффектно замолкла, позволяя мужу завершить фразу.

– ...Был мой и твой давний предок, великий архитектор, Якоб Никитич. Меня не покидает чувство, что Олег так поступил нам назло.

Девушка от такого беспрестанного словесного потока с обеих сторон сдерживалась, чтобы не закрыть уши. Она понимала, чем Николай с Олесей так возмущены (а ещё, что лучше с ними не спорить), но разве родители не слишком драматизируют? В смысле, Елизавета сильно сомневалась в том, что первой целью Лихоборова старшего во время строительства поместья являлось нанести оскорбление бывшему сопернику, и лишь потом – устроить себе комфортную

жизнь. Неужели он действительно оказался столь дальновиден, что заранее от корки до корки освоил курс современной истории, надеясь, что там фигурирует носитель невзлюбившейся ему фамилии, а потом составил хитроумный план, дабы как-то осквернить его память перед противником? Если правда, то он просто гений злодеяний и не вполне заслуживает звания королевского фаворита. Что-то не сходится.

– Чего ты улыбаешься? Мы тебе возмутительные вещи объясняем, а ты хихикаешь! Ты нас вовсе не слушаешь?

– Нет, слушаю, но я считаю, что гостю невежливо хмуриться при хозяевах, – хихикнула девочка. Заболоцкие старшие побледнели и обернулись, натянув на лица донельзя искреннюю радость. По мощёной дорожке навстречу только прибывшим направлялись трое, двое из которых также корчили улыбки от уха до уха, а тот, что шёл посередине и чуть позади, и вовсе не стыдился своих чувств, поэтому, недобро сморщившись, уставился на Лизавету. Она же, в ответ на его гримасу, с каким-то садистским удовольствием воссоздала на своём фарфоровом личике самое сахарное, ванильное и очаровательное выражение. Ах, да, я не представила новых людей, итак, справа налево: отец семейства, уже известный вам Олег Ярославович – мужчина высокий, статный, черноволосый, но с беспечным выражением больших светлых глаз («не пират», – подумалось девушке); его жена Ольга Викторовна – крупная... Да что там, весьма толстая женщина со светло-русыми волосами; худой паренёк Илья,

тот самый, посередине, сильно похож на старшего Лихоборова, но взгляд тёмный, умнее и злее.

– Добрый день, – вежливо поздоровался отец, и Олег в ответ учтиво склонил голову, после чего мужчины обменялись рукопожатиями. Дамы приобняли друг друга за локти пальчиками и, немного наклонившись вперёд, легонько поцеловали губами воздух около щеки знакомой. Мальчик сумрачно подошёл к Лизе, которая только и дожидалась момента, чтобы кокетливо протянуть ему отставленную для поцелуя руку, и он крепко, до хруста, сжав ладонь гостьи, клюнул её запястье. Блондинка незаметно поморщилась и потрясла травмированной кистью. С любезностями покончено.

– Ах, Лизаветочка, выглядишь сегодня обворожительно! Впрочем, как и всегда, – быстро добавила Ольга, тем самым лишив девочку возможности двусмысленно истолковать комплимент.

– Да, так и есть! Здравствуй, Лизанька, – обратился к ней уже хозяин особняка. – С каждым годом всё прелестнее, – теперь он говорил с её отцом. – Ой, а где же ваша младшая, Сашенька? – спросил он таким тоном, словно сомневался в её существовании.

– К сожалению, Александра заболела и не смогла поехать с нами.

– Прискорбно. Когда вернётесь, обязательно передайте ей наши пожелания скорейшего выздоровления.

– Конечно, спасибо. Илья-то, как я посмотрю, так возму-

жал. А какой высокий! Сколько вашему сыну, семнадцать?

– Только недавно исполнилось шестнадцать, две недели назад праздновали.

– Надо же, всего лишь на полгода старше нашей Лизы!

«Очень странная традиция», – подумала девушка: «хвалить друг друга через детей».

– Да, почти ровесники... – пустая фраза, если не продолжать тему и не вкладывать в свои слова никакого намёка. Очевидно, это и хотели сделать Лихоборовы, по постоянному родительскому рефлексу сватать своё дитяtko к любому представителю противоположного пола примерно того же возраста, но потом вспомнили одну маленькую деталь и осеклись на полуслове, неловко прервав диалог.

– Думаю, уже пора идти в дом, вдруг погода начнёт портиться... – прервала молчание Лихоборова и повела всех за собой к поместью. Чем ближе девушка подходила к дворцу, тем меньше понимала, почему так назвала его про себя. Издалека этот пласт горной породы не смотрелся выигрышнее, но оставалась надежда, что всё великолепие скрывали кусты. Теперь, один на один с собирательным образом всех казематов, она не разочаровалась, но почувствовала себя крайне неуютно при мысли, что ей придётся переступить через порог. А где же высокие белые с бирюзой башенки? Где острые шпили и большие фигурные окна? Где, в конце концов, изогнутый мостик с периллами через речку и арка с воротами? Да даже простой разводной мост через небольшой прудик с

тиной (хотя тина – уже перебор) лучше, чем ничего! Собственный особняк, раньше недостаточно величавый для Лизы, вмиг приобрёл статус замка. Фавориты же богатые, очень богатые люди, почему не позволили себе что-то более приличное? В следующий момент Елизавета ощутила тычок под рёбра со стороны матери – кажется, вся гамма чувств девочки отобразилась на её лице. Девушка взяла себя в руки, преодолела входную дверь... Удивительно, но внутри совсем не так плохо, как представлялось при осмотре поместья снаружи. Точнее, совсем неплохо. На стенах панели из зелёного дерева, под коврами угадывалась брусчатка, множество свечей и канделябров. Лихоборовы, наверное, ценят антиквариат, потому что девушка не заметила ни одного облегчающего жизнь механизма, коими доверху набит её деревенский дом. Или всё дело в Жизни? Кто знает, что они теперь умеют, возможно, им изобретения без надобности. Мало ли, в чём заключается Сила Земли. Ох, как же тяжело ничего не знать.

Пока Заболоцких вели куда-то вглубь здания, хозяева рассказывали про размещение комнат, форму особняка, особенности строения и всё тому подобное. Елизавета честно пыталась слушать и впитывать все знания и информацию, касающуюся архитектуры – в будущем пригодится – но поняла мало; например, что направляются они в Большую столовую, которая находится в самой середине дома и под землёй, а ещё, что все коридоры – большой лабиринт. Девушка ощутила приступ клаустрофобии.

Чем ближе обе семьи подходили к центру, тем больше различной прислуги встречалось им на пути. Елизавете даже пришло в голову, что большинство – непостоянные и вызваны лишь на сегодняшний день, чтобы обеспечить достойный приём и продемонстрировать достаток хозяев. Не напрасно мама вызвала нескольких людей к сегодняшнему завтраку, подготовка здесь отнюдь не лишняя. «Но если бы все коридоры в этом особняке были по-настоящему запутаны, и проходы знали бы только Лихоборовы и перманентная прислуга, то все остальные девяносто процентов уже давно бы заблудились. Значит, Олежа сильно преувеличивает извращённость своего дома», – успокаивала себя блондинка. Надо же, она сама и не заметила, что, встретив Олега Ярославовича и признав его «не пиратом», она про себя стала называть его так уменьшительно (не ласкательно) – Олешик. Спустя несколько минут вся процессия зашла в огромный зал со множеством стоящих в ряд подсвечников, со стенами, выложенными мозаикой, и большим прямоугольным столом (девушка почему-то ожидала, что он будет круглым, и теперь чувствовала себя обиженной. Она вообще старалась выискивать изъяны во всём, что здесь видела). Абсолютно пустая зала, если не считать пары слуг-поварят, бегающих туда-сюда с пустыми подносами.

– Итак, вам, как первым прибывшим, предоставлена величайшая честь – выбрать самое лучшее место, – Лихоборов старший хитро прищурил глаза, но в меру, только чтобы дать

понять, что шутит. Его жена так же в меру хихикнула, а сын едва улыбнулся. – Отдаю вас на милость моих людей.

– А вы, уже уходите? Успели поесть перед нашим приходом? – отец, похоже, решил поддержать шутливый тон беседы, но, как всегда, его остроты были либо не смешны, либо обидны. В данном случае, судя по тому, как закашлялась Лизавета, стараясь скрыть хохот, совсем неудивительно, что хмурая тройца Лихоборовых скоро ретировались, якобы чтобы встретить основную массу гостей.

– Ты бы всё-таки следил за языком, милый, – прикрыла пальцами довольную ухмылку Олеся.

– ЗдОрово ты с них спесь сбил, пап! – весело поддакнула дочка, уже окончательно разуверившаяся в эпатажности хозяина, и Николай даже немного зарделся.

– Буду впредь осторожнее, – постарался со степенью и без озорства сказать он, но не сдержался, – боюсь, больше они нас не позовут.

– А мне больше и не надо, – заносчиво заявила девочка. – Уже почти год, как не надо.

– Слушайте, а я-то думала, отчего нам вдруг оказали такие почести – встретили у ворот, все дела. А это чистая случайность, и мы всего лишь пришли первые, – вставила мама.

– Конечно. Будь мы хотя бы вторыми, сами бы петляли здесь... Лиза? Лиза!

– Мммм? – девушка отвлеклась от созерцания девочки-служанки с медной косой.

– Что-то интересное увидела?

– Нет. Разве здесь можно увидеть что-то интересное? Задумалась.

Родители подозрительно оглядели Елизавету и вернулись к разговору. Довольно скоро в столовую зашла целая толпа людей, разодетых так же по-вечернему нарядно, и гости начали занимать места. Главный повар, заметив грандиозный наплыв потенциальных едоков, свистнул, что-то крикнул помощникам и сам юркнул на кухню. Хозяин же поместья сел (разумеется, во главе стола) только тогда, когда все остальные разместились, поднял каким-то чудом незаметно наполнившийся вином бокал («Может, у него магический дар такой – бокалы незаметно наполнять?» – про себя захихикала Лиза) и толкнул речь, а девушка тем временем стала изучать приглашённых. Надо же, глаза у всех такие внимательные, лица одухотворённые, расчувствовавшиеся, как будто действительно слушают, о чём Олег говорит. Мать периодически бросала на Елизавету взоры, осуждающие за такое прямое и неприличное внимание, и словно убеждала повернуть голову к Лихоборову старшему и тоже сделать вид, как будто ей есть дело до его слов, но Елизавета не замечала этих жестов. После детального разглядывания комнаты и людей, сидящих рядом, девочка с сожалением пришла к выводу, что все аргументы о скукоте приёма, выдуманные ей же для Саша, чтобы немного успокоить, были справедливы. Относительных Лизиних сверстников на вечере не наблюдалось, а

судя по форме, размеру и размещению мебели в помещении, бал здесь организовать нельзя даже при большом желании. Правда, как можно танцевать, если посередине залы стоит огромный стол, и не то, что вальсировать, ходить нужно осторожно, чтобы не задеть какую-нибудь свечу? Блондинка посмотрела на наручные часы и сразу же про себя ругнулась – она забыла сегодня утром их завести, так что теперь точного времени не узнать. Тогда Лиза незаметно отогнула манжеты на мамином запястье, благо, именно на ближайшей руке оказался циферблат. Итак, приём начался в два часа дня, когда Заболоцкие только-только подъехали на кибитке к воротам особняка... Кстати, очень странно, девушка только сейчас поняла, что основная масса гостей опоздала, ненамного, но опоздала. Или родители неправильно поняли и приехали раньше, чем были позваны? Ох, неважно: приём начался в два, а сейчас... Два шестнадцать! Издевательство какое-то! Праздник обещает быть долгим...

Два тридцать. Олежа закончил свою речь, поднял, наверное, уже задеревеневшую руку с кубком, и Елизавета только сейчас поняла, что это было тостом. Пока мужчина говорил, между рядами гостей то и дело появлялись слуги с красивыми кувшинами и наполняли (или подливали в случае особой скорости приглашённых) прозрачные рюмки до середины бордовой густой настойкой с невероятно дурманящим запахом. Девушка глубоко вдохнула аромат и в нетерпении покручивала тонкую ножку бокала. Наконец-то и к Лизавете

подошёл официант, молодой мальчик. Девочка даже особо не рассматривала юношу, что для неё вопиюще, а лишь резким движением пододвинула свою чарку. А парень, совсем наоборот, очень внимательно разглядывал дворянку и мялся в нерешительности, прижимая к себе заветный кувшин. Девочка не выдержала и поторопила парня:

– Я польщена, что заставила тебя язык проглотить от восхищения, но не собираюсь знакомиться на голодный желудок, так что... – и снова недвусмысленным жестом покрутила кубок. Мальчишка весь покраснел, а Лиза в первый раз увидела, чтобы цвет лица менялся так сильно и в такой короткий срок.

– Нет, я просто... Всё дело не в этом. Ой, я имел в виду, вы действительно очаровательны, но я не потому... – окончательно сбился бедняга.

– Так что же ты не подливаешь очаровательной даме? – удивилась Елизавета.

– Вы меня простите, но... Сколько вам лет? – выпалил он, и его уши заалели, словно лепестки мака.

– А сколько нужно? – хитро усмехнулась девушка. Молодой официант окончательно растерялся.

– Так уж и быть, семнадцать мне, – округлила она, – достаточно?

Парень быстро закивал, наполнил Лизину рюмку до самого верху и, бормоча оправдания, поспешил удалиться.

«Смотрите-ка, засмушался, словно девица», – заулыба-

лась девочка и осторожно, чтобы не выплеснуть ни капли драгоценной жидкости, пригубила вино. И в тот же миг ей показалось, что волосы на затылке у неё встали дыбом. «Ничего вкуснее не пробовала!» – восхитилась девушка и отпила ещё немного. Возможно, вечер удастся скоротать. Настойка, как и показалось блондинке сначала, оказалась тёплой, **ОЧЕНЬ** тёплой, и сладкой, совсем как горячий шоколад, только пряный, со вкусом переспелой рябины и с щепоткой дурмана, что побуждал смотреть на вещи более позитивно. Девочка так увлеклась напитком, что не заметила, как стол уже ломился от различных яств и кушаний (всё подано так необычно и дорого, что назвать угощения просто едой язык не поворачивался). Елизавета жадными глазами обвела блюда, находившиеся в пределах досягаемости; несмотря на компактность девочки, желудок у неё был поистине бездонный, и она успела сильно проголодаться. Ух, берегись, вражеский стол, разворую, разорю, не пожалею! Итак, что поближе? Ага, холодная закуска: рулеты из кабачков и баклажанов с дроблёными орехами и мягким сыром – они первые попались под руку, поэтому их ряды быстро расстроились; пюре из батата с маслом и укропом – гарнир, и при том горячий, совсем непонятно, как оказался здесь, но и его вниманием не обделю; сырно-орехово-медовое ассорти – тоже хорошо; салат из манго, авокадо, апельсинов, базилика, помидоров и чего-то ещё – и тебя туда же, не потеснишься. Ближе к середине – супы, их сразу в сторону, ишь, что придума-

ли, набивать желудок бульоном. О-о-о-о, горячее! Девушка задумалась, но скоро оправдала себя тем, что бокал довольно внушительных размеров до краёв наполнен неизвестной настойкой (интересно, сколько градусов?), и нужно побольше есть, дабы после бала (да-да, теперь празднество в глазах Лизы походило на бал) ещё быть в состоянии не только до дома дойти, но и всё в подробностях рассказать сестре. В общем, блондинка без стеснения нанесла урон подносам с жареной говядиной. Девочка аккуратными, изящными и неторопливыми движениями орудовала вилкой, но тарелка её опустошалась мгновенно. Средняя Заболоцкая доела новую порцию и сделала большой глоток из кубка, который исправно пополнялся каждые несколько минут благодаря расторопной прислуге. Елизавета, не таясь, посмотрела на мамины часы, и, ого, почти шесть! Как быстро время летит. А Олеся с Николаем только сейчас заметили гранёный бокал около дочери.

– Откуда у тебя вино? – удивилась мать и посмотрела жидкость на просвет.

– Как, откуда? Оттуда же, откуда и у вас, – пожала плечами та. – Подливают официанты.

– И давно ты пьёшь? – старшая Заболоцкая проворно схватила девочку за подбородок и заглянула в кристально (почти) чистые глаза, выискивая признаки опьянения.

– С начала вечера. Мама, успокойся! Я словно стёклышко. («Мутненькое, правда»...)

– Вино вроде не особо хмельное, – заметил папа. – И мы не пешком домой пойдём. Так что, немного можно.

– Немного! А твоя дочь опустошает уже не-знаю-какую рюмку! Я была уверена, что в доме Лихоборовых имеется возрастной порог, людям ниже которого запрещена дегустация некоторых... горячительных напитков.

На последнее Олесино заявление девушка застенчиво промолчала.

– Успокойся, солнышко, мы просто попросим, чтобы Лизавете больше не добавляли.

– И очень быстро уйдём с приёма, – пробормотала девочка.

Семь часов вечера. Совсем скоро, через час, Лизе нужно незамеченной родителями покинуть столовую и так же тихо вернуться обратно, чтобы никто не заподозрил о её тайном знаком в замке. Почти все яства съедены, вино и что покрепче, чего девушке не удалось попробовать, выпито, – гости готовы к развлечениям. Олег Ярославович произнёс последний тост, после чего с загадочным видом попросил гостей на несколько минут встать из-за стола и пройти в картинную галерею, полюбоваться новыми приобретениями семьи Лихоборовых. Приглашённые, очевидно, предчувствуя спектакль, с покорно-наивными лицами вышли в широкий холл, разбились по парам и тройкам и начали культурную бессмысленную беседу о каких-то художниках-зауральцах, чьи произведения совсем недавно вывезли в Ростерию по

приказу главного министра, и о том, как тяжело далась Охотникам последняя поездка.

– Говорят, их чуть не рассекретили! – сказала незнакомая женщина, периодически бросая якобы незаинтересованные взоры на запертую залу.

Девочка же почти не слушала окружающих и сильно отстала от родителей, что прогуливались по коридору. Она стояла очень близко к закрытым дверям, чуть не приложив к ним ухо, и пыталась по шумам определить, что же происходит. Однако она не услышала ни звука и только строила догадки.

– Лизавета, посмотрела бы картины, – возмутилась неожиданно оказавшаяся рядом Олеся. – Олег Ярославович приобрёл одно очень интересное произведение Серова, оно так ценно...

– Не люблю Серова, – отрезала девушка и опять повернулась к столовой.

– Лизавета, – теперь к ней обратился отец. Он наклонился к уху дочери и вполголоса произнёс: – Не порть сюрприз.

Блондинка согласно сделала пару шагов по направлению к родителям и остановилась – ей хотелось стать первой, кто всё увидит. Наконец раздался тихий шорох, и Лизавета, уже приготовившаяся, резко развернулась и громадным скачком приблизилась к открывающимся створкам (юбка, кстати, хорошая, ткань качественная, отлично тянется, всем рекомендую). Мать в последний момент успела оттащить дочку за

шиворот.

– Почти шестнадцать лет человеку, а вести себя прилично до сих пор не умеет! Не позорь нас с отцом! – шёпотом отчитывала Елизавету, справляющуюся с головокружением. – Подожди, или тебе уже хмель в голову ударил? – и испуганно посмотрела на девочку.

«Кстати, вполне возможно», – подумалось средней Заболоцкой. «Тот напиток казался таким лёгким, но ведь недаром говорят, в тихом омуте...», – и в доказательство мысленно, про себя икнула. Надо же, как быстро, буквально за несколько минут... В то время как лицо Олеси больше и больше белело от ужаса, а Лиза вспоминала хоть какие-то слова, чтобы успокоить маму, двери в столовую распахнулись полностью, открывая дрожащим от любопытства гостям... Загораживающую всё фигуру Лихоборова старшего.

– Дорогие гости! – начал он пафосно, уперев руки в косяк, чтобы полностью закрыть собой действие внутри. – Уверен, вы успели вдоволь налюбоваться картинами, а если нет, то не бойтесь, они никуда не убегут!

Толпу всколыхнул сдержанный смешок, а Лизавета задумалась: может, у всех богатых людей отсутствует чувство юмора?

– В любом случае, я собираюсь показать вам кое-что гораздо более увлекательное, нежели безмолвные холсты. Сейчас я попрошу вас снова зайти в столовую и сесть, обещаю, что не пожалеете!

На этом Олежа закончил и отошёл в сторону, пропуская в залу длинную цивилизованную очередь. Заболоцкие шли где-то в середине процессии, когда Лизавета, насквозь пробуравленная родительским взглядом и по-прежнему хранившая молчание, поняла одну неприятную вещь: она слишком много выпила, не в смысле алкоголя (хотя и данное утверждение справедливо), а *просто*. И, как результат, она жалась, переступая ногами и всеми силами пытаясь вспомнить слово, обозначающее другую тайную комнату, но в спасительные мысли в мозгу давно смешались в радостный калейдоскоп. Что делать, непонятно. Узнать у других гостей не получится, так как девочка не знала, что и, главное, как спрашивать. Попытаться найти самой? Нет, количество настойки в крови совсем не улучшило зрение и координацию, да и Олеся вряд ли дочку и на шаг от себя отпустит в таком состоянии. Остается только терпеть и ждать. В неопределённом настроении Лизавета вошла в столовую, осмотрелась вокруг и грустные думы вмиг улетучились! Невероятно... Ранее очень светлая комната погрузилась в полумрак, а тёмные бархатные шторы на стенах, непонятно для чего нужные в помещении ниже уровня земли, создавали дополнительную атмосферу какой-то таинственности и романтичности. Девушка пьяно хихикнула: как будто на свидание пришла! Более того, отныне вместо одного длинного широкого стола посередине залы стояло несколько, поуже, и сведённых вместе в форме буквы «П», так что внутри оставалось свободное

пространство.

– Прошу вас, располагайтесь с наружной стороны, – слышался голос Ольги Лихоборовой.

Семья Заболоцких расположилась ближе к краю, чтобы как можно быстрее и незаметнее покинуть бал, и только сейчас Лиза заметила, что пир не кончился, и всю скатерть полностью закрыли собой блюда с разнообразными десертами и сладостями. Совсем рядом, рукой подать, нашёлся графин с какой-то подозрительно весело пахнущей жидкостью, но отец в один миг отодвинул напиток. Пожалуйста, не больно-то и хотелось!

– Лучше ещё поешь, – шёпотом посоветовала мама, и Елизавета, на удивление, решила беспрекословно её послушаться.

Все гости окончательно раскрепостились, расслабленные чудесной настойкой, едой и уютom, а девочка, уже немного пришедшая в себя (какая же необычная штука!), задумчиво отрезала ребром вилки ещё кусок шоколадного пирога с клюквой и насадила его на зубцы, медленно покручивая. Она сомневалась, хочет ли съесть его сейчас. Вдруг девушка почувствовала пристальное внимание к своей персоне. Осмотрелась: Илья Лихоборов. Парень, ничуть не смутившись, продолжал рассматривать среднюю Заболоцкую с несвойственной ему беззлобностью, любопытством, возможно, чем-то похожим на дружелюбие. Надо же... В данном случае любая бы застеснялась, и Лиза замерла на секунду,

но потом весело показала юноше язык, очень скоро забыла о нём и принялась за пирог. Нужно отметить, что мальчишка был весьма симпатичным и знал это: есть в нём что-то такое-этакое: извечная печаль и тайна в тёмных глазах или отстранённость, может, намеренно пониженный голос. В общем, Илья пользовался популярностью, и почти все его сверстницы считали себя обязанными вздыхать по нему. У Елизаветы этот период давно прошёл, потому что водиться с бывшим – себя не уважать. Схема «Останемся друзьями» изначально обречена на провал, ибо дружба между девушкой и парнем, причем, если оба привлекательны, невозможна; и ребята только недавно заключили холодное перемирие, включающее в себя хмурые переглядывания и попытки встречаться лишь изредка.

Неожиданно что-то в восприятии мира Лизой изменилось; она с ужасом поняла, что перестала видеть собственную еду. «Неужели всё настолько плохо? Я так захмелела, что у меня темнеет в глазах, и я вот-вот с громким храпом упаду за стол?». Но дело было отнюдь не в девочке – слуги прокрались за спинами приглашённых и потушили оставшиеся свечи. С разных сторон слышались не на шутку перепуганные ахи и охи, даже словно бы болезненные стоны, и средняя Заболоцкая уже готова была поддаться общей панике, но сильно вздрогнула от внезапного тёплого прикосновения к своей руке чужих пальцев сзади.

– Не бойся, – очень тихо прошептал знакомый голос, и

Елизавета, без труда узнав его, успокоилась, – это только часть представления.

– Хозяин у тебя, конечно, юморист, – неодобрительно прошипела девушка, но ей уже никто не ответил.

– А? Что? – боязливо зашевелился едва различимый силуэт матери. – С тобой всё хорошо? Ты с кем-то говорила?

– Нет... – Лизавета увлеклась тщетным разглядыванием высоких гибких теней, что абсолютно незамеченными проплыли мимо девочки.

– Папа, – блондинка дёрнула за рукав отца, также пребывающего в крайнем замешательстве.

Никто из гостей не решился встать из-за своего места, что очень нелогично, существуй реальная опасность.

– Папа, кто это? – и она указала пальцем в сторону застывших, словно изваяния, фигур.

– Где? – Николай сощурился.

Пых! И снова несколько огней озарили помещение. Приглашённые зажмурились, привыкая к слабому свету. Четверо длинных подтянутых людей в рыжих с ромбиками трико и с разрисованными лицами стояли между столешницами, собравшись в круг и спрятав руки за спину. «Артисты», – как будто послышался Елизавете Санькин голос. В следующий момент один ряженный шагнул вперёд, жестом фокусника извлек скрипку и смычок, положил инструмент себе на плечо и, прижав для надёжности подбородком, заиграл. Полилась тягучая ленивая музыка, ассоциирующаяся с заклин-

нателями змей и востоком. Следующий человек, вышедший из круга, достал железный обруч и начал подтанцовывать – гимнаст. Третий, обходя товарищей по кругу, стал аккомпанировать первому, легонько постукивая по небольшому барабану, подвешенном у живота. Это убаюкивало, успокаивало так стремительно, что гости, минуту назад в высшей степени напряжённые, затихли, откинулись на жёсткие спинки. И совершили большую ошибку. Последний выступающий, о котором все позабыли, подпрыгнул на полтора метра вверх, одной рукой схватил гигантский факел, другой плеснул что-то на самый его просмоленный верх, дунул со всей мочи...

– АХ!!!!!! – пронеслось по всему залу вместе с гигантским перекатывающимся огненным шаром, привязанным тонкой ниточкой к свече в руках артиста.

Когда пламя беснующимся на цепи зверем наскакивало на кого-то из гостей, лишь обдавая его жаром, дворянин с широко распахнутыми замороженными глазами вскрикивал, откидывался назад, падал со стула, под общее одобрение поднимался и долго оставался под впечатлением. У Елизаветы, одной из первых испытавших такое, всё действие алкоголя мгновенно сошло на нет. Она пару раз моргнула и громко захлопала в ладоши. А спустя несколько минут, только бедные гости немного привыкли к представлению, как Олежик решил доконать их. Он с возмущённым видом вышел на импровизированную арену и стал отчитывать актёров и акробатов за то, что те работают совершенно непрофессионально

и спустя рукава. Люди вокруг защищали оскорблённых выступающих.

– Старик, наверное, просто с настойкой переборщил, с кем не бывает, – услышала Лиза краем уха.

– И это называется повелитель огня! – дебоширил хозяин особняка. Ни жены его, ни сына, нигде поблизости не наблюдалось. «Могли бы, между прочим, выйти, успокоить, отвести в спальню, неужели им тоже нравится смотреть, как он позорится?» – осуждающе нахмурилась девушка.

– Дай сюда эту штуку! Смотри, как надо! – не успел несчастный артист и дёрнуться, а Олег Ярославович уже выхватил у того погасший факел и какую-то жидкость.

– Что это у нас? – пробормотал мужчина, рассматривая горячее через стекло. – Явно ничего интересного! – он отбросил бутылку в сторону. – Дайте-ка мне...

Лихоборов старший пробежался взглядом по столу, быстро взял графин с настойкой и сделал большой глоток. Сразу после дунул на огромную свечу в своих руках – разумеется, ничего не произошло. Нет, произошло: Олежа выкатил глаза и захрипел, задыхаясь – наверное, подавился. Уже который раз за вечер все впали в лёгкую панику. Елизавета взволнованно приподнялась с альтруистичным намерением помочь, но всё те же пальцы остановили её.

– Говорю же, не бойся, – насмешливо произнёс голос. – Это всё часть спектакля.

– Вот твой хозяин юморист! – повторила девушка.

– Ты помнишь? Встретимся через десять минут...

Блондинка нетерпеливо кивнула и снова повернулась к представлению. Похоже, великий актёр так вжился в роль, умирая на сцене мнимой смертью, кашляя и синея, что чуть не дошёл до настоящего инфаркта особо впечатлительных женщин. Наконец пришла пора развязки: он выгнулся назад, отбросил ненужный факел, и вдруг пламя изверглось из его открытого рта. На этот раз никаких фокусов, никаких иллюзий, никаких обманов. Огонь фонтаном поднимался вверх, разбрызгивался во все стороны, сверкал. Его не сравнить с искоркой, что произвёл обычный артист. Действительно, теперь понятно, чего не доставало хозяину. Все замерли в благоговейном восхищении и страхе – вот она, Жизнь, точнее, всего лишь маленькая её часть, а сила... Даже в человеке ей мало места, она выплёскивается, требует выхода. Средняя Заболоцкая засмотрелась на раскалившиеся с красными венами щёки Олега, на его порыжевшие, словно залитые раскалённым золотом глаза. Тепло. Ему всегда тепло и никогда не холодно. Он всегда ощущает себя наполненным и никогда опустошённым. А Лизавета мёрзнет, даже сейчас. Неожиданно для себя в голове мелькнула мысль, что она до безумия желает получить хоть сотую долю горячей чудо-энергии. На секунду колдун прервался, запрокинул голову и выплюнул вверх сноп рыжих искр. Когда комната вновь погрузилась в сумрак, Лиза с максимальной бесшумностью, на которую сейчас была способна, встала из-за стола, но тотчас же

замерла, схваченная Николаем за запястье.

– Ты куда?

– Эммм... Носик припудрить, – и в довершение ко всему тихонько икнула.

Отец грустно вздохнул и нехотя выпустил руку дочери. Та быстро юркнула в коридор. Пройдя несколько метров прямо, она заметила неприметную дверь слева от себя, осторожно дёрнула ручку – разумеется, открыта – и вошла в комнату. Внутри тоже оказалось довольно темно, но всё же девочка легко различила человека, стоящего к ней спиной у противоположной стены. Елизавета на цыпочках подкралась к нему, благодаря мягким коврам абсолютно бесшумно, и зловещим шёпотом завывала:

– Вот как ты отработываешь своё жалование, девчонка!

Рыжая юная официантка подскочила на месте и с гримасой раскаяния обернулась. Её брови от возмущения взлетели вверх.

– Ах, ты!..

Лизавета громко засмеялась, и девочка с силой зажала ей рот.

– Тихо! – она боязливо выглянула, подбежала к дверям и закрыла их. – Иначе мне по-настоящему влетит... И всё же дура ты редкостная!

Лиза в ответ снова хохотнула.

– Подожди, – официантка подозрительно подошла к подруге и осмотрела её, – у тебя глаза словно залитые. М-да,

мой старший товарищ так нахваливал Лихоборовскую настойку, говорил, чудо, как хороша. Но мне никак не удавалось её попробовать. И как, действительно, амброзия?

– Чудесная, – мечтательно зажмурилась Лизавета. – Ой, Соня, ты обязательно должна выпить хотя бы глоток, иначе не поймёшь! Это нельзя описать, ни на что не похоже... Лучшее!

– Боюсь, суждено мне маяться в неведении, – вздохнула Софья. – Когда мы работаем на кухне, нас, как в древние времена, петь заставляют.

– Зачем? – не поняла девушка.

– Ты совсем не интересуешься историей, да? – и проигнорировав Лизино «Я вообще школьной программой не особо интересуюсь...», продолжила, – Несколько столетий назад в России, при крепостном праве, девушек, собирающих плоды на господском огороде, заставляли петь, не прекращая, чтобы те не съели ни единой ягодки.

– Надо же, – удивилась средняя Заболоцкая, – никогда бы не подумала, что Олежик – жестокий рабовладелец!

– Работаем, как мама Джан, зато платят хорошо, – пожалала плечами рыжая.

Блондинка оглянулась и только сейчас заметила, что стены залы не видно за пёстрыми картинами.

– Лихоборовы правда так любят искусство? – вопрос прозвучал совсем не как похвала.

– Ага, и здесь собраны произведения только местных ху-

дожников, – сообщила Соня, – смотри-ка! Это Иван Алексеев, почти наш современник, мне особенно нравится, – и указала на большое полотно, около которого недавно стояла. Лиза прищурилась, разглядывая. На холсте в ярких, преимущественно фиолетово-сине-зелёных красках изображены несколько кошек (причём очень забавно: кто в пенсне, кто с галстуком, кто в средневековых припудренных париках), что сидели ночью вокруг костра и смотрели на звёздное небо. Снизу на рельефной тяжёлой раме выгравировано: «Кошки и звёзды. И. Алексеев, 231 г.

– Как тебе? – с нетерпением заёрзала рыжая девочка.

– Название жуткое.

– Как будто ты бы придумала лучше, – обиделась Соня. –

Он художник, а не писатель!

– Мне больше нравится эта... – Елизавета ткнула пальцем в соседнее произведение, как вдруг относительную тишину нарушили чьи-то голоса; постепенно к ним прибавился звук шарканья подошв. Кто-то, скорее всего двое, стремительно приближался к зале.

– Олег Ярославович, – побледнев, узнала Софья поступь нанимателя. У Лизаветы волосы зашевелились. – Идёт сюда!

И правда, шаги снаружи стихли аккурат перед дверью.

– Не сносить мне головы! – отчаянно зашептала рыжая девочка. – Премии лишит, а если не повезёт, то и оштрафует! Или ещё хуже...

– Ты уже пятый год так говоришь, – неуверенно ободрила

подругу Заболоцкая.

– Да, но теперь всё намного, намного серьёзнее! Раньше он не замечал меня за прогулами или общением с тобой, – обречённо почти всхлипнула та.

Лиза на удивление быстро и здраво принялась соображать и вдруг, о чудо, наткнулась на небольшой, низкий, вряд ли больше метра в высоту, комод в углу. Она схватила подругу за руку, протащила через комнату, открыла тумбу и сначала затолкала внутрь спутницу, а потом, сама не зная, зачем, с трудом втиснулась следом и сдвинула створки за секунду до того, как скрипнула ручка и хозяева вошли в картинную залу. Шкаф был очень маленьким, и девушки поместились в нём только из-за миниатюрности обеих. «Да, если бы на месте Соньки оказалась Сашка, я бы осталась снаружи», – размышляла Лиза, недоумевая, почему спряталась вместе с приятельницей. Тем временем вошедшие остановились где-то рядом.

– ... И всё же я недоволен...

– Меня не волнует! Это моё дело, как проводить свободное время! – второй голос, мальчишеский, только казался грубым, на самом деле в нём сквозило отчаяние и неуверенность.

– Ты грубишь, – вздохнул, наверное, Олег. – Это наше общее дело. Ведь если отбросить мораль, то чисто материально я за тебя отвечаю, и буду отвечать в случае хоть малейшего твоего проступка, а за нами сейчас ведётся особая слежка

вследствие нашего особого положения.

– Вот именно, положения! Мне и даром этот дар, прости за каламбур, не нужен! Мы отлично жили...

– А сейчас живём плохо?

– Нет, но... Чего тебе стоило тогда уступить? Пусть Заболоцкие бы слюнями от счастья изошли, а мы бы налог не платили.

– Тебе жалко денег? Первый раз от тебя слышу. Хотя, возможно, ты, наконец, становишься хозяйственным.

– Смешно, пап. А гости в восторге от твоего представления – лучшая актёрская игра! А умение салютом плевать – однозначно одно из самых полезных и нужных в последующей жизни. И да, твой новый особняк тоже вызвал фурор.

– На самом деле, – похоже, желание защитить работодателя пересилило страх наказания, – большой дом, по которому можно гулять, как по саду, – самая большая детская мечта Ильи. Олег Ярославович не придумал бы такой глупости.

«А что, возразить сыну он боится? – про себя сказала Лиза, опасаясь раскрытия: такими темпами он Олеже совсем на шею сядет».

– Ума не приложу, чего ты добиваешься, – взял тем временем слово мужчина. – Провоцируешь на конфликт? Вынужден тебя огорчить, я флегматик, и у тебя ничего не выйдет. Отвлечь меня от основного вопроса и выставить виноватым? Не получится, так что вернёмся к нему: скажу прямо, мне не нравятся твои друзья. Они кажутся не самой лучшей

компанией...

– Они все из богатых благополучных семей!!!

– Я не настолько консервативен, чтобы судить детей по таким меркам, и не против, если бы ты общался, хоть чуть-чуть, с обычными ребятами. Брал бы пример с нашей гостью, Лизы, – девочки в безмолвном ужасе переглянулись, не веря, что раскрыты. – Например, некоторые мои юные повара честные, добрые, трудолюбивые...

– Ты советуешь мне, с кем дружить, а с кем нет?

– Согласен, перегнул палку, но твои приятели, точнее их увлечения, очень меня беспокоят. Вы каждую неделю собираетесь вместе, пропадаете на день...

– Скажи, я как-то подводил тебя раньше?

– Нет, но ты не дослушал. ХОдите толпой, да ещё с такими таинственными лицами, словно знаете что-то такое, чего не знает никто другой... Скажи честно! – спокойный ровный голос вдруг сильно повысился, выдавая невероятное волнение. – Вы что-то замышляете?

Такой прямой вопрос, очевидно, обескуражил мальчишку.

– Н-нет... – неуверенно ответил он после затяжной паузы. Молчание. Долгое.

– Хорошо. Я давить на тебя не буду, захочешь – сам сознаешься, – собеседник фыркнул, – но помни, что провинись ты в чём, нам всем – и мне, и матери – за тебя отвечать.

– Отец, я же...

– Я знаю! И всё же Дима Моряков, – Лизавета зажала себе рот ладонью, – очень меня беспокоит. Он и его свита, та смуглянка и веснушчатый. Но Дмитрий в особенности. Не могу объяснить...

– Зато я могу, – грубо перебил его Илья. – Ты хочешь держать меня под колпаком, потому что я твой единственный сын, и тебе не понравилось, когда у меня появились секреты. Но пап! Я человек, в конце концов, неужели нельзя относиться ко мне более лояльно?

«По-моему, лояльнее некуда», – про себя возмутилась Заболоцкая, поражаясь терпимости Олега Ярославовича. Эх, будь она на его месте, за такое неуважение и хамство соответствующую трёпку задала бы младшему Лихоборову. Впрочем, он в чём-то прав, единственный ребёнок в семье почти всегда очень избалован, если только сам не устанавливает для себя нравственные нормы и не держит себя в них. Так что Олежа отчасти сам виноват в том, что сейчас выслушивает такое.

– После бала ещё поговорим, – пообещал (да-да, не пригрозил, пообещал!) хозяин поместья. – Посоветуемся с матерью, кто прав, кто нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.